

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

НАУЧНЫЙ
ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

**КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

№ 1 2024

**CULTURE AND ANTHROPOLOGY
RESEARCH JOURNAL**

Редакционная коллегия

Тихомирова Е. Е. – главный редактор, канд. культурологии, доц., заведующий кафедрой теории, истории культуры и музеологии (Новосибирск, Россия);

Чапля Т. В. – зам. главного редактора, д-р культурологии, доц., канд. социол. наук (Новосибирск, Россия);

Донских О. А. – д-р филос. наук, проф. (Новосибирск, Россия);

Ивонин Ю. П. – д-р филос. наук, проф. (Новосибирск, Россия);

Лойко О. Т. – д-р социол. наук, проф. (Томск, Россия);

Паршукова Г. Б. – д-р культурологии, проф., ведущий научный сотрудник ГПНТБ СО РАН (Новосибирск, Россия);

Подалко П. Э. – д-р лингвокультурологии, проф. (Токио, Япония);

Полякова Е. А. – д-р ист. наук, канд. культурологии, доц., проректор Алтайского государственного института культуры, Президент клуба ЮНЕСКО «Культурное наследие Алтая», член Императорского православного Палестинского общества (Барнаул, Россия);

Видеркер В. В. – канд. культурологии, доц. (Новосибирск, Россия);

Сторожева С. П. – канд. культурологии, доц. (Новосибирск, Россия);

Харламов А. В. – канд. филос. наук, доц. (Новосибирск, Россия);

Ма Сюлин – доц., заведующий кафедрой вторых иностранных языков, Институт иностранных языков Биньчжоуского университета (Биньчжоу, Китай)

Учредитель:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский государственный педагогический университет»

Журнал «Культурно-антропологические исследования» / Culture and Anthropology Research Journal зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций ПИ № ФС 77-83177 от 12 мая 2022 г.

Editorial Board

E. E. Tikhomirova – Chief Editor, Candidate of Culturology, Associate Professor, Head of the Department of Theory, History of Culture and Museology (Novosibirsk, Russia);

T. V. Chaplya – Assistant of Editor-in-Chief, Doctor of Culturology, Candidate of Sociological Sciences (Novosibirsk, Russia);

O. A. Donskikh – Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Novosibirsk, Russia);

Yu. P. Ivonin – Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Novosibirsk, Russia);

O. T. Loiko – Doctor of Sociological Sciences, Professor (Tomsk, Russia);

G. B. Parshukova – Doctor of Culturology, Professor, Leading Researcher of the State Public Scientific Technical Library of the SB RAS (Novosibirsk, Russia);

P. E. Podalko – Doctor of Cultural Linguistics, Professor (Tokyo, Japan);

E. A. Polyakova – Doctor of Historical Sciences, Candidate of Culturology, Associate Professor, vice-rector of the Altai State Institute of Culture, President of the UNESCO Club “Cultural Heritage of Altai”, member of the Imperial Orthodox Palestinian Society (Barnaul, Russia);

V. V. Viderker – Candidate of Culturology, Associate Professor (Novosibirsk, Russia);

S. P. Storozheva – Candidate of Culturology, Associate Professor (Novosibirsk, Russia);

A. V. Kharlamov – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor (Novosibirsk, Russia);

Ma Xiuling – Associate Professor, Head of the Department of Second Foreign Languages, Institute of Foreign Languages of Binzhou University (Binzhou, China)

The founders of the journal:

Federal state budgetary educational institution of higher education Novosibirsk State Pedagogical University

© Novosibirsk State Pedagogical University, 2024
All rights reserved

The journal “Culture and Anthropology Research Journal” is registered by Federal service on supervision in sphere of communication, information technologies and mass communications PI № FC 77-83177 from May, 12th, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ КУЛЬТУРЫ

Бородовский А. П. Археологические признаки буддизма как культурно-религиозной традиции в древней и средневековой торевтике юга Западной Сибири	8
---	---

РАЗДЕЛ II. ПРИКЛАДНАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Павленко Т. В. Культура художественно-эстетической деятельности в контексте проблемы формирования художественно-творческих навыков личности.....	25
Тен В. Х. Основания формирования ценностного содержания современной личности средствами искусства	38

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

Вэй Сяо. Китайская медицинская культура: культурно-исторический анализ.....	46
--	----

РАЗДЕЛ IV. СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Чапля Т. В. Идентификация посредством потребления / потребительства	51
Поддячая Е. А. Влияние цифровых трансформаций на социальный капитал.....	60

РАЗДЕЛ V. ЮБИЛЕИ

Хлытина О. М., Сидорчук О. Н. К 75-летию доктора исторических наук, профессора, Заслуженного работника высшей школы Российской Федерации, Заслуженного профессора НГПУ, кавалера Золотого почетного знака «Достояние Сибири», Лауреата Государственной премии Новосибирской области Зверева Владимира Александровича.....	67
--	----

Журнал основан в 2009 г.
Корректор О. А. Разумова
Электронная верстка А. Л. Заковряшин
Адрес редакции: 630126, г. Новосибирск,
ул. Вилюйская, 28, т. (383) 244-19-92
Адрес издательства и типографии: 630126,
г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28,
т. (383) 244-06-62

Печать цифровая. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 6,2. Уч.-изд. л. 4,9
Тираж 500 экз.
Заказ № 21. Формат 70×108/16.
Цена свободная
Дата выхода в свет 25.03.2024
Отпечатано в Издательстве НГПУ

CONTENTS

FROM THE EDITORIAL BOARD

PART I. THEORY OF CULTURE

Borodovsky A. P. Archaeological signs of buddhism as a cultural and religious tradition in the ancient and medieval toereutics of the south of western Siberia... 8

PART II. APPLIED CULTURAL STUDIES

Pavlenko T. V. Culture of artistic and aesthetic activity in the context of the problem of formation of artistic and creative skills of a person..... 25

Ten V. H. Bases for the formation of the value content of modern personality by means of art..... 38

PART III. CULTURAL HISTORY

Wei Xiao. Chinese medical culture: a cultural and historical analysis..... 46

PART IV. SOCIOLOGY OF CULTURE

Chaplya T. V. Identification through consumption / consumerism..... 51

Poddyachaya E. A. The digital transformation impact on social capital..... 60

PART V. ANNIVERSARY

Khlytina O. M., Sidorchuk O. N. On the 75th anniversary of Vladimir Zverev, Doctor of Historical Sciences, Professor, Honoured Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honoured Professor of the Novosibirsk State Pedagogical University, Knight of the Golden Badge of Honour "Heritage of Siberia", Laureate of the State Prize of the Novosibirsk Region..... 67

The journal is based in 2009
Corrector O. A. Razumova
Electronic make-up operator A. L. Zakovryashin
Editors address: 630126, Novosibirsk,
Vilyuiskaya, 28, т. (383) 244-19-92
Editors publisher and printing house: 630126,
Novosibirsk, Vilyuiskaya, 28,
т. (383) 244-06-62

Printing digital. Offset paper
Printer's sheets: 6,2. Publisher's sheets: 4,9.
Circulation 500 issues
Order № 21.
Format 70×108/16
Release date 25.03.2024
Printed by Publishing House of the NSPU

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Журнал «Культурно-антропологические исследования» основан в 2009 году как научное периодическое издание. Журнал выступает открытой и независимой трибуной для отражения современных интегративных тенденций в гуманитарных науках. Этот вектор развития гуманитаристики особенно востребован и значим в современный период как необходимость поиска стратегических ориентиров жизни человеческого общества. Сквозной для данной тенденции является культурно-антропологическая тематика, посвященная человеку в его культурной ипостаси: человек как культурное существо. Культура здесь выступает специфически человеческим, т. е. связанным со смыслообразованием, инструментом выживания человека и человечества. Этот предмет имеет ряд граней – от философской постановки вопроса до конкретных и практических исследований современных гуманитарных наук: культурологии, истории, археологии, филологии, музеологии. В нашем журнале как раз предлагается вариант такого обобщенного видения. Для его получения целесообразно увязать между собой многочисленные, более частные, представления, которые бы взаимно корректировали друг друга. А с этой целью важно привлечь знание не только культурологическое. Следует посмотреть на культуру также извне. С одной стороны, это будет подход с позиции философии (и философии как таковой, и отдельных философских наук, в частности, философской антропологии и натурфилософии). С другой стороны, это будет подход с позиции естественно-научной.

Нашими партнерами являются российские авторы, что способствует активному обмену достижениями в сфере гуманитарных наук, а также – поддержке и развитию единого научного пространства России и стран СНГ, консолидации усилий ученых и специалистов для решения актуальных научно-практических и образовательных проблем, представляемых исследователями Сибирского федерального округа, а также представителями других регионов России и международного сообщества.

Журнал адресован исследователям, преподавателям высшей учебной заведений, аспирантам, специалистам в сфере философии, культурологии, истории, которые интересуются новейшими результатами фундаментальных и прикладных исследований. Приглашая к сотрудничеству, редакционная коллегия журнала «Культурно-антропологические исследования» рассчитывает на то, что авторы журнала будут стремиться к постижению современных глубинных и противоречивых основ процессов в области культуры.

Мы ждем ваши статьи, раскрывающие, обобщающие результаты исследований по смежным гуманитарным проблемам.

Редакционная политика журнала основывается на традиционных этических принципах российской научной периодики, поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций (Москва, Россия).

Приглашаем вас к участию в работе нашего журнала.

FROM THE EDITORIAL BOARD

The “Culture and anthropology research journal” was founded in 2009 as a scientific periodical. The journal acts as an open and independent tribune to reflect modern integrative trends in the humanities. This vector of humanities development is especially demanded and significant in the modern period as the need to find strategic guidelines for the life of human society. Cross-cutting for this trend is the cultural-anthropological theme devoted to man in his cultural hypostasis, man as a cultural being. Culture here acts as a specifically human, i.e. related to meaning-making, instrument of survival of man and mankind. This subject has a number of facets – from philosophical formulation of the question to concrete and practical studies of modern humanities: culturology, history, archaeology, philology, museology. Our journal offers a variant of such a generalized vision. In order to obtain it, it is advisable to link the numerous, more particular views, which would mutually correct each other. To this end, it is important to attract knowledge that is not only cultural. It is necessary to look at culture from the outside as well. On the one hand, this will be an approach from the position of philosophy (both philosophy as such and individual philosophical sciences, in particular, philosophical anthropology and natural philosophy). On the other hand, it will be an approach from the position of natural sciences.

Our partners are Russian authors, which contributes to the active exchange of achievements in the field of humanities, as well as to the maintenance and development of a common scientific space of Russia and CIS countries, consolidation of efforts of scientists and specialists to solve urgent scientific, practical and educational problems, represented by researchers of the Siberian Federal District, as well as representatives of other regions of Russia and the international community.

The journal is addressed to researchers, teachers of higher educational institutions, graduate students, specialists in philosophy, cultural studies, history, who are interested in the latest results of fundamental and applied research. Inviting to co-operation, the editorial board of the “Culture and anthropology research journal” counts on the fact that the authors of the journal will strive to comprehend the modern deep and contradictory foundations of processes in the field of culture.

We are waiting for your articles revealing, generalizing the results of research on related humanitarian problems.

The editorial policy of the journal is based on traditional ethical principles of Russian scientific periodicals and supports the Code of Ethics of Scientific Publications formulated by the Committee on Ethics of Scientific Publications (Moscow, Russia).

We invite you to participate in the work of our journal.

РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ КУЛЬТУРЫ

PART I. THEORY OF CULTURE

Культурно-антропологические исследования. 2024. № 1

Culture and anthropology research journal. 2024. № 1

Научная статья

УДК 903.21

Археологические признаки буддизма как культурно-религиозной традиции в древней и средневековой торевтике юга Западной Сибири

Бородовский Андрей Павлович^{1,2}

¹Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия

²Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

Аннотация. Статья посвящена обобщению и анализу археологических источников, отражающих влияние культурной и религиозной буддийской традиции на территории юга Западной Сибири. Основным предметом изучения являются образцы торевтики широкого хронологического спектра от рубежа эр до эпохи средневековья. Такой широкий временной охват позволяет проследить не только динамику проникновения этой восточной традиции на сибирские территории, но и его постепенную внутреннюю и внешнюю трансформацию. Под внутренней трансформацией подразумевается развитие самой буддийской традиции, которая происходила с рубежа I в. до н. э. – II в. н. э., а затем появление ее различных толков, включая манихейство. Внешняя трансформация заключается не только в широком территориальном распространении внешних символов буддизма, но и их влиянии и адаптации в местных сибирских культурах. Признаки таких буддийских символов представлены в изображении причесок («кробилоса»), нимбов («мандорла»), налобных украшений («бинди»), декора в виде мотивов «пылающей жемчужины», «цветущей смоквы», «узла бесконечности».

Наряду с этим в рамках интерпретаций учитывается, что ранний период существования и распространения косвенного влияния буддизма протекал в формате активного взаимодействия с другими религиозными традициями – зороастризмом, митраизмом, христианством несторианского толка. Указанная особенность позволяет рассматривать все вышеперечисленные признаки в качестве косвенных и опосредованных при передаче буддийской религиозной традиции на территорию юга Западной Сибири. Необходимо также подчеркнуть, что в рамках общесибирского и дальневосточного регионов наблюдается явное территориальное своеобразие распространения элементов декора, связанных с буддийской традицией, обусловленных территориальными особенностями культурных связей.

Ключевые слова: артефакты; иконография; буддизм; манихейство; «пылающая жемчужина»; Южная Сибирь

Для цитирования: **Бородовский А. П.** Археологические признаки буддизма как культурно-религиозной традиции в древней и средневековой тореутике юга Западной Сибири // Культурно-антропологические исследования. – 2024. – № 1. – С. 8–24.

Scientific article

**Archaeological signs of buddhism as a cultural and religious tradition
in the ancient and medieval tureutics of the south of western Siberia**

Andrew P. Borodovsky^{1,2}

¹Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

²Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

Abstract. The subject of the study is the study of elite crests as a means of broadcasting cultural communication in a variety of fields. Among them, ethnic interaction and clashes, trade ties, social hierarchy and the spread of epic plots. As samples of such combs, products were selected that correspond to a number of characteristics – imported origin, prestigious material, ritual use, visual expressiveness, connection with written tradition. The research sample included combs made of tusk, bone, wood (poplar, boxwood) and gold in a wide territorial and chronological context. Such spatial and temporal frameworks extended from the British Isles, the Middle East, the Northern Black Sea region, the north-west of Eastern Europe and the southern Urals, as well as from the Bronze Age, Early Iron and the Middle Ages. It is significant that the presented sample of crests shows a stable connection between ancient written traditions (Canaanite, Old Russian) and ritual practices. The raw material component of the studied ridges is no less significant. In particular, the most prestigious and valuable materials (ivory, gold, boxwood) were used for the manufacture of elite items. It should also be noted that cultural communications in elite combs were presented both directly and indirectly. An example of the first – direct communication are products made by foreign craftsmen. An example of the second, indirect communication, are items from local manufacturers, which reflected external cultural ties. In general, such a complex of qualitative and informative features is the basis for the active functioning of combs made of various materials in the communicative sphere of both the Ancient World and the Middle Ages.

Keywords: Elite objects; combs; antiquity; the Middle Ages; cultural interaction; communication

For citation: Borodovsky A. P. Archaeological signs of Buddhism as a Cultural and Religious Tradition in Ancient and Medieval Tureutics of the South of Western Siberia. *Culture and anthropology research journal*, 2024, no. 1, pp. 8–24.

Введение. Однозначные и категоричные интерпретации артефактов и особенностей их декоративного оформления как отражения определенной культовой, а тем более религиозной традиции всегда не только рискованны, но и, как правило, дискуссионны. Тем не менее это не означает, что такие попытки всегда обречены или не перспективны в рамках новых интерпретаций, поскольку расширение источниковой базы позволяет ставить все новые и новые вопросы принадлежности или соответствия определенных артефактов к той

или иной религиозной традиции. Основанием для этого является присутствие целого ряда символов на древней торевтике, обнаруженной на юге Западной Сибири, так или иначе соотносимых с буддийской религиозной традицией в широком контексте.

Материалы и методы. Наиболее ранние предметы, связанные с буддизмом, в Евразии локализуются на территории Афганистана, северной Индии (гандхарская скульптура) [1, с. 174, 189] и побережья Красного моря в Египте (Береника) в I–IV вв. н. э. (рис. 1).

Рис. 1. Мраморная миниатюрная скульптура Будды из г. Береника на побережье Красного моря в Египте (I–II вв. н. э.)

Специалисты отмечают существенную близость афгано-гандхардского варианта буддийской иконографии к античной (римской) изобразительной традиции, поскольку в результате тесной связи Индии с западными странами даже образ Будды приобрел ярко выраженный индоэллинистический характер [1, с. 173, 181].

В свою очередь, на территории северо-западного Китая влияние гандхарской традиции представлено в миниатюрной фигурке Будды (рис. 2) на кладбище Хондуюань в деревне Ченгрэн у г. Сяньян (провинция Шенси). Этот предмет относится к эпохе династии Восточная Хань (25–220 гг. н. э.).

Рис. 2. Бронзовая фигурка Будды из Хондуюань в деревне Ченгрэн у г. Сяньян (провинция Шенси) северо-западный Китай эпоха династии Восточная Хань (25–220 гг. н. э.).

В связи с этими находками начала I тыс. н. э. следует отметить, что отдельные элементы буддийской традиции – точка на лбу – представлены уже на лицах целого ряда персонажей бактрийской торевтики из Тилля-Тепе в северном Афганистане (рис. 3, 4).

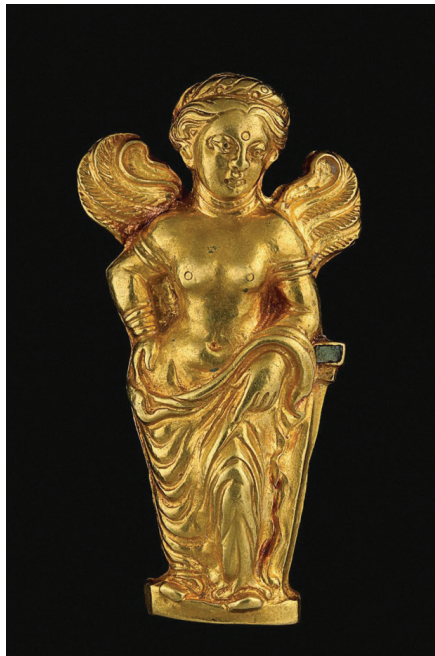

Рис. 3. Золотая бляшка с крылатой богиней из погребения 6 Тилля-Тепе (Афганистан), кушаны (I в. до н. э.)

Рис. 4. Золотое антропоморфное изображение на золотой подвеске с парными драконами из погребения 2 Тиля-Тепе (Афганистан), кушаны (I в. до н. э.)

Среди них антропоморфное изображение на золотых предметах с крылатой богиней из погребения 6 [2, р. 156, 99; р. 254] и подвеске с двумя драконами из погребения 2 [2, р. 98–105, 44–47; р. 231]. Изображение Будды с точкой на лбу представлены на росписях в Каратепе в Средней Азии [3, с. 410, табл. XXII, 4]. При этом следует подчеркнуть, что на начальном этапе распространения буддизма в Бактрии в I–IV н. э. бактрийские мастера, несмотря на следование буддийским канонам, привносили в эту устоявшуюся иконографию свои незначительные изменения, акцентируя внимание на отдельные элементы [4, с. 229]. Среди них было изображение нимба и точки на лбу. Наряду с этим необходимо подчеркнуть, что точка на лбу – «бинди», являясь одним из «опознавательных» признаков индуистской традиции, присутствует на ранних изображениях Будды в гандхарской традиции [1, с. 173, рис. 167, 168, с. 175, рис. 171, с. 178, рис. 177, с. 179, рис. 178].

Значительно севернее такой элемент (точка на лбу) присутствует на антропоморфной фигурке восточного происхождения на левом берегу р. Оби (рис. 4, 5) в пределах г. Новосибирска [5]. Этот изобразительный элемент коррелируется с целым рядом деталей верхней одежды индийского происхождения. Среди них: пояс «лунги» и фестоны на плечевой одежде [6, с. 33].

Таким образом, есть все основания предполагать, что на рубеже эр и начале I тыс. н. э. на территорию юга Западной Сибири стали проникать первые косвенные признаки буддийской религиозной традиции.

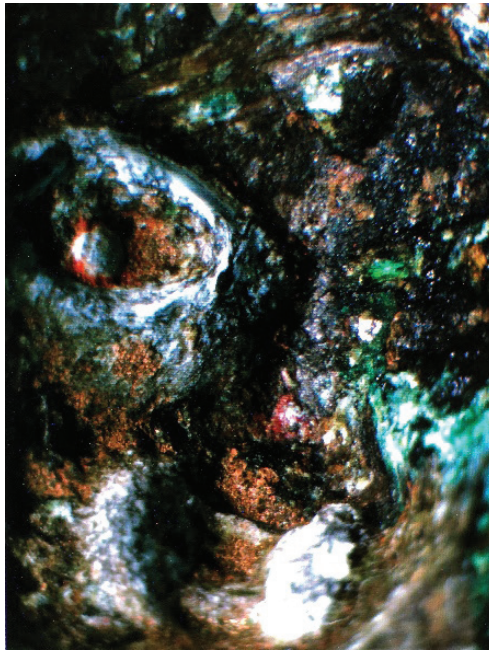

Рис. 5. Голова бронзовой фигурки из г. Новосибирска в районе Старо-Кривошекова (рубеж эр)

Более массовый характер этот культурный процесс приобрел в конце I тыс. н. э. На территории Хакасии с середины VIII–X вв. н. э. следы манихейства представлены в эпиграфике, культовой атрибутике, торевтике и архитектурных сооружениях [7, с. 125, 146, 147]. Особое внимание следует обратить на поясные и уздечные бляшки с изображением пылающей жемчужины (рис. 6), найденных в Туве (Дагылганниг, Тора-Тал-Арты) [8, с. 116, рис. 42, 3, 4; 9, с. 129], Хакасии (покупка А. М. Тальгерна, Ник-Хая; Дрокино-1; Тютяжский клад, случайная находка у Абакана) [10, с. 67–72, рис. 117–136; 11, табл. LXI–LXIII; 12, с. 146, рис. 1; 13, с. 106, рис. 1, 6; 14, с. 74, рис. 6, 1–3], Верхнем Приобье (Чингис) и Мариинско-Ачинской лесостепи (Юрга).

Этот орнамент достаточно проанализирован [8, с. 105, 106; 14, с. 63–64] и не нуждается в детальном пояснении. Иконографический анализ других изобразительных элементов, связываемых с буддийской традицией, опирается на поиск аналогий изобразительного материала из сопредельных регионов с целью синхронизации таких находок. При этом в рамках строгой научной аналогии учитывались необходимые связи и признаки сходства между соотносимыми предметами в пределах одного культурно-хронологического контекста. Следует также подчеркнуть, что именно торевтика очень часто является носителем ритуальной, религиозной или эпической тематики [15, с. 363].

В целом же системное изучение изображений из сибирского региона, соотносимых с буддийской традицией, опиралось на совокупность явлений духовной культуры, отражающей традиционные мировоззрения и религиозные верования.

Рис. 6. 3 D модель бронзовой фигурки из г. Новосибирска

Обсуждение. Иконография пылающей жемчужины в торевтике Саяно-Алтая достаточно вариативна, однако этот феномен скорее всего не отражает хронологию стилизации этого изобразительного мотива. Поскольку все варианты изображений сосуществуют в рамках одного периода [14, с. 64, рис. 1, с. 66, рис. 2, с. 67]. Для Южной Сибири появление бляшек с изображением пылающей жемчужины связывается с походами уйгуров во второй половине VIII в. н. э. [16, с. 246, 248]. В Минусинскую котловину предметы с манихейской торевтикой могли попасть в 795 г. Отдельные предметы с манихейской торевтикой могли попасть в Минусинскую котловину и позднее в ходе успешной для кыргызов войны 820–840 гг. К началу XI века «манихейская» орнаментация исчезает из кыргызской торевтики [12, с. 149].

В целом предметы торевтики с пылающей жемчужиной на территории юга Западной Сибири представлены как в погребальных комплексах с кремацией (Ник-Хая; Дрокино-1), кладках (Тюхтятский клад), так и среди случайных находок (Чингисы, Юрга, Минусинская котловина) (рис. 7).

Рис. 7. Случайная находка в Абакане бляшки с изображением пылающей жемчужины, г. Абакан (Хакасия), VIII–X вв. н. э.

В предметном комплексе эпохи средневековья изделия с таким орнаментом имеют самую различную принадлежность от поясной и конской гарнитуры [8, с. 105, 110, рис. 36] до приспособлений для хранения швейных принадлежностей – игольников (покупка А. М. Тальгерна) [13, с. 106, рис. 1, 6].

Мотив пылающей жемчужины в тюркской эпохе средневековья юга Западной Сибири иногда сочетается с изображением цветка священной смоквы. Это еще один декоративный элемент буддийской религиозной и культурной традиции [8, 1990, с. 102, табл. XXV, 7–19]. Территориальное распространение этого декоративного элемента на территории Южной Сибири и Дальнего Востока достаточно широко, однако на юге Западной Сибири такая особенность наиболее широко представлена в Хакасии (рис. 7).

Однако в рамках таких региональных особенностей распространения различных элементов буддийской орнаментации следует отметить, что на бронзовых игольниках кроме изображения пылающей жемчужины [14, с. 66, рис. 2, 4] еще встречается изображение «бесконечного» узла или «узла счастья». Этот декор наносился не только на игольницы, но и на зажимы кистей конской сбруи [8, с. 109, рис. 35, 2].

Такие предметы известны не только в Хакасии, Туве, но и в Верхнем Приобье (Ордынское-1) (рис. 8). Символика узла бесконечности многозначна, но является одним из мотивов буддийского искусства [8, с. 101, 108, табл. XXX, 4]. Кроме того, изображение узла бесконечности активно используется в тибетском буддизме, который является северным вариантом этой религиозной и культурной традиции.

Рис. 8. Игольник с орнаментом «бесконечного» узла
Ордынское-1 (Верхнее Приобье), конец I тыс. н. э.

Широкое территориальное разнообразие мест обнаружения изделий с декором пылающей жемчужины и узла бесконечности, а также их различное функциональное предназначение далеко не всегда связано с культовой атрибутикой. Это в свою очередь демонстрирует представленность упомянутых элементов, связанных с буддийской традицией в формате декора, а не исключительно религиозной практикой.

В рамках интерпретации косвенных признаков буддизма, представленных на некоторых, ранее опубликованных артефактах, хотелось бы еще раз остановиться на парных золотых антропоморфных подвесках из кургана 7 могильника Койбалы на р. Абакан (рис. 9).

Этот погребальный комплекс относится к концу I тыс. н. э. [17, с. 227, 228]. Два этих изображения крылатой женщины с нимбом на голове, были интерпретированы С. Г. Скобелевым как воспроизведение образа древнетюркской богини Умай [17, с. 231, 232]. Однако при всей развернутости аргументации такой точки зрения хотелось обратить внимание на несколько особенностей. Во-первых, образ крылатой богини из тюркской мифологии проецируется на Умай более чем опосредованно. Во-вторых, в иконографии богини с крыльями достаточно широко представлены не только в ближневосточной и античной

Рис. 9. Золотые подвески из могильника Койбалы
(Средний Енисей) конец I тыс. н. э. (фото С. Г. Скобелева)

изобразительной традиции, но и в греко-бактрийской торевтике. Примером этого является бляшка с таким образом из Тилля-Тепе (рис. 3). В-третьих, стилистическая параллель золотых подвесок с антропоморфным изображением, держащим в руках сосуд с иконографией древнетюркских изваяний, оправдана, но при этом и субъективно избирательна. Поскольку можно привести целый ряд других стилистических направлений, где присутствует образ женщины с сосудом в руках. Среди таких примеров могут быть женские образы из согдийских росписей в Варахше [18, с. 160–162, табл. XIV].

Поэтому исключительно «тюркская» принадлежность ювелирных антропоморфных предметов из Койбалы, на наш взгляд, не очевидна. Более того, наличие нимба на голове этих изображений позволяет допускать совершенно другие культурные и религиозные традиции.

В период, синхронный с существованием могильника Койбалы, были обнаружены золотые антропоморфные подвески, изображения нимбов известны на росписях Пенджикента и Варахша у согдийцев [18, с. 160–162, табл. XIV]. В этой среде были широко распространены различные инородные религиозные традиции – буддизм, манихейство и христианство несторианского толка [19, с. 28], внешние признаки которых часто наслаивались на зороастризм. Одним из таких проявлений было присутствие нимба на образах местных божеств авестийской традиции [19, с. 37].

Учитывая такой религиозный синкретизм, изображение нимба конечно нельзя считать исключительно буддийским изобразительным признаком. Однако игнорировать вероятность такого влияния при интерпретации золотых подвесок из могильника Койбалы все же не следует, поскольку в буддизме наиболее ранние изображения нимба «мандорла» известны в мелкой пласти-

ке с I–II вв. н. э. (г. Береника на побережье Красного моря в Египте) (рис. 1). На территории Индии в скульптуре Пешавара (Хоти-Мардан, Тахт-и-Бахи) [1, с. 173, рис. 167, 168, с. 178, рис. 177, с. 181] нимбы также присутствуют с явными влияниями античной (римской) пластики уже в II–III вв. н. э. Позднее в конце второй половины I тыс. до н. э. изображения Будды с нимбом известны в Бактрии на росписях Каратепе [3, с. 410, табл. XXII, 4] и скульптуре Мерва [3, с. 387, табл. XCIX, 1]. Присутствие нимбов также наблюдается и в сасанидской торевтике [15, с. 512, рис. 29, с. 514, рис. 31, с. 629 рис. 171, с. 733, рис. 268, с. 720, рис. 274].

Тем не менее наряду с этим следует признать, что на территории юга Западной Сибири нимбообразные изображения представлены в конце I тыс. н. э. в антропоморфной металлопластике совершенно в другом контексте. Речь идет о нескольких металлических фигурках пеших и конных воинов сросткинской культуры (Кулундинское, Сростки I) [20, с. 134, рис. 27, 48, 49], за спиной которых на уровне головы располагался круглый щит. Однако для подвесок из Койбалы, очевидно, изображение нимба явно не связано с такой функциональной интерпретацией. Более того пропорции соотношения щита за спиной и нимба за головой совершенно иные исходя и реальных размеров этих предметов.

В связи с изображением нимба также следует обратить внимание на характер оформления головы антропоморфных изображений из Койбалы. Под нимбом на голове выделено округлое возвышение, которое можно трактовать по-разному. Если полагаться на концепцию С. Г. Скобелева о сходстве иконографии антропоморфных образов золотых подвесок из Койбалы со стилистикой древнетюркских каменных изваяний [17, с. 230], то можно соотносить этот изобразительный элемент с головным убором типа шапочки или тубетейки. Действительно, среди каменной скульптуры древних тюрков Алтая есть небольшая серия таких изваяний (Тиланду, Тото, Кожон-Чол, Кыпчыл-1, Купчегень) [21, табл. XIII, 90, табл. XX, 121, табл. XXIII, 141, табл. XXXIV, 203; 22, с. 308 рис. 1, 1].

Однако если учесть, что этот элемент достаточно четко отделен от самой головы объемных изображений койбальских подвесок, то его можно интерпретировать как элемент прически. Это может быть или пучок волос на темени либо специальная волосяная шишка. В этой связи следует отметить, что подобная прическа является весьма характерной для раннебуддийской традиции в гандхарской скульптуре с II–V вв. н. э. [1, с. 173, рис. 167, 168, с. 176, рис. 172, 173, 177, с. 177 рис. 176, с. 178, рис. 177, с. 179, рис. 179, с. 181, с. 202, рис. 213, 214]. Этот пучок волос, несмотря на его сходство с прической («кробилосой») эллинистического Аполлона, был достаточно типичен для индийских аскетов, которые связывали свои волосы в пучок для защиты от палящего солнца [1, с. 181]. Этот же тип прически представлен и на мраморной статуэтке Будды из эллинистического Египта (Береника), и на бронзовой фигурке эпохи Восточная Хань, выполненной в гандхардской традиции в Северо-Западном Китае (Хондуяюнь) (рис. 2). Таким образом, если эта интерпретация верна, то указанный элемент прически наряду с наличием нимба можно вполне рассматривать как один из косвенных признаков отражения буддийской традиции. Следует отметить, что уже в монгольское время (XIII в.) такая комбинация

нимба и прически в виде шишки на голове представлена на золотой пластине из Хубсугула в Северной Монголии (рис. 10) [23].

Рис. 10. Золотая пластина из Хубсугула в Северной Монголии (XIII в. н. э.)

При этом вся изобразительная композиция вписана в контур лотоса – одного из символов буддизма. Следует подчеркнуть, что цветок лотоса в этой религиозной традиции тесно связан с появлением мотива пылающей жемчужины [8, с. 105], а также одними из самых ранних изображений Будды (рис. 1).

Тем не менее, несмотря на наличие явных связей различных элементов декора, связанных с буддийской традицией, вопрос о распространении буддизма и его различных толков (манихейства) на территории юга Западной Сибири является проблемным по нескольким причинам. Во-первых, отдельные исторические интерпретации о распространении манихейства среди верхушки средневековых кыргызов в Хакасии (Л. Р. Кызласов) не могут пока претендовать на всю полноту достоверной аргументации в источниковой сфере. Во-вторых, по этнографическим данным интерпретация и укоренение буддийской традиции в Южной Сибири (Горный Алтай) на протяжении начала XX в. также была далеко не однозначной в зависимости не только от реальных этнических процессов, но и от политических оценок этого явления.

В качестве наглядного примера можно привести факты изучения и оценки бурханизма как в Российской империи, так и в Советском Союзе, а также в Российской Федерации. Как известно, первоначально последователей «белой веры» идентифицировали крайне противоречиво [24, с. 126]. С одной стороны, их рассматривали как агентов иностранного (японского) влияния, подрывающего основы российского государственного влияния на Алтае, включая православие. С другой стороны, в лице Д. Клеменца, оправдывали движение бурханизма как местное и благотворное движение, не имеющее ничего общего

с тибетским буддизмом [25; 24, с. 126]. В советское время векторы такой оценки также несколько раз менялись.

Например, если первоначально А. Данилин рассматривал бурханизм как форму национально-освободительного движения в формате парадигмы «Российская империя – тюрьма народов», то позднее под диктатом коммунистической идеологии изменил свою оценку на сугубо контрреволюционное значение этого движения [26]. В наиболее концентрированном виде такую точку зрения выражал Л. Потапов. Он рассматривал бурханизм как реакционное националистическое и сепаратистское движение [27, с. 343–360, 370]. В 30-е годы советская этнография, опираясь на связь бурханизма с буддизмом, квалифицировала его как проявление буржуазного национализма и «пятой колонны» японского империализма [24, с. 126]. Хотя в позднесоветское время стали появляться представления о влиянии северного буддизма на бурханизм [29; 30, с. 156].

После развала СССР точка зрения о многочисленных буддистских влияниях стала если не преобладающей, то по крайней мере широко распространенной [24, с. 127; 25; 31; 32; 33, с. 22; 34; 35]. Тем не менее взгляд на это религиозное явление как проявление националистической реальности сохранился [36; 37; 38; 39, с. 76].

Поэтому в настоящее время вопрос об артефактах буддийского происхождения на юге Западной Сибири приобретает особую актуальность. Так, в 2002 г. неизвестными противниками буддизма была разрушена ступа, установленная у с. Боочи Онгудайского района Республики Алтай. Она была установлена в честь Боора из сёока-рода майман, который, согласно преданию, еще в XVII в. прошел обучение в буддийских монастырях. По одной версии на этом месте была найдена буддийская статуэтка Боора, по другой – он был здесь захоронен после кремации. Однако есть много сомневающихся в том, находилась ли на месте разрушенной ступы эта буддийская статуэтка изначально или она была намеренно подброшена [40, с. 164]. Такая позиция неоднозначного отношения к буддийской религиозной традиции на территории современного Горного Алтая во многом связана с двумя факторами. Во-первых, местное алтайское население достаточно давно находится в трансграничной ситуации между тюрками-мусульманами и монголами-буддистами. Во-вторых, процесс этнической консолидации коренного алтайского населения еще не завершен.

Заключение. В конце I тыс. до н. э. активное распространение буддизма в Центральной Азии происходит после вторжения представителей эллинистической Бактрии на территорию северо-запада индийского субконтинента. Локально региональными последствиями этих исторических событий становится первая волна широкого распространения предметов материальной культуры культового назначения с косвенными признаками буддийской традиции. Следующим этапом активного проникновения предметов с элементами буддийской (манихейской) символики становится конец I тыс. н. э. Территориальное своеобразие и вариативность различных декоративных мотивов («бинди», «мандорла», «кробилосы», «пылающей жемчужины», «цветущей смоквы», цветка лотоса, «узла бесконечности»), связанных с буддийской традицией для юга

Западной и Восточной Сибири, а также Дальнего Востока, во многом обусловлено региональными особенностями внешних культурных связей.

Наряду с таким феноменом, можно констатировать, что предметы с элементами буддийской символики поступали в Южную Сибирь на протяжении нескольких этапов со значительными (до 500 лет) хронологическими разрывами. Это приводило к тому, что в этих артефактах получали отражение не только определенные исторические события, но и явная трансформация буддийской традиции с течением времени. При интерпретации таких фактов с разной степенью убедительности приводились аргументы, связанные с различными стадиями этногенеза местного населения Сибири и политической обстановкой, что продолжает сказываться вплоть до начала XX и XXI столетий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Тюляев С. И.** Искусство Индии. III тыс. – VII век н.э. – М.: Искусство, 1988. – 344 с.
2. **Bactrian Gold** from the excavations of the Tillya tepe necropolis in northern Afghanistan. – Leningrad: Aurora, 1985. – 260 p.
3. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. – М.: Наука, 1985. – 496 с.
4. **Мкртычев Т. К.** Буддийское искусство Средней Азии (I–X вв.). – М.: ИКЦ «Академкнига», 2002. – 286 с.
5. **Бородовский А. П.** Предмет восточной торевтики из окрестностей г. Новосибирска // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2021. – Т. 20, № 5: Археология и этнография. – С. 96–103. DOI: 10.25205/1818-7919-2021-20-5-82-90.
6. **Гусева Н. Р.** Художественные ремесла Индии. – М.: Наука, 1982. – 238 с.
7. **Кызласов Л. Р.** История Южной Сибири в средние века. – М.: Высшая школа, 1984. – 166 с.
8. **Кызласов Л. Р., Король Г. Г.** Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1990. – 216 с.
9. **Нечаева Л. Г.** Погребения с трупосожжениями могильника Тора-Тал-Арты // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции 1959–1960 гг. – Т. 2. – М.; Л., 1966. – С. 108–142.
10. **Евтюхова Л. А.** Археологические памятники средневековых кыргызов (хакасов). – Абакан, 1948. – 109 с.
11. **Киселев С. В.** Древняя история Южной Сибири. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 364 с. (Материалы и исследования по археологии СССР, № 9).
12. **Худяков Ю. С.** Орнамент наборных поясов из погребений Ник-Хая // Пластика и рисунки древних культур. – Новосибирск, 1983. – С. 144–153.
13. **Король Г. Г.** Неизвестное в известном: коллекция случайных находок средневековой торевтики малых форм из Минусинской котловины // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2021. – № 2. – С. 101–127. DOI: 10.18503/1992-0431-2021-2-72-101-127.
14. **Король Г. Г., Фокин С. М.** Новые варианты буддийского мотива в средневековом декоре (Средний Енисей) // Российская археология. – 2020. – № 3. – С. 63–78.
15. **Маршак Б. И.** История восточной торевтики III–XIII вв. и проблемы культурной преемственности. – СПб.: Академия исследования культуры, 2017. – 736 с.
16. **Худяков Ю. С., Хаславская Л. М.** О пламявидном орнаменте в южносибирской торевтике // Рериховские чтения 1984 год. – Новосибирск, 1983. – С. 244–249.
17. **Скобелев С. Г.** Подвески с изображением древнетюркской богини Умай // Советская архитектура. – 1990. – № 2. – С. 226–233.
18. **Шишкин В. А.** Варахша. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 250 с.
19. **Гюль Т. И.** О династийном культе правителей Бухарского Согда в раннем средневековье (к трактовке росписей дворца Варахши) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2021. – № 2 (53). – С. 28–39. DOI: 10.20874/2071-0437-2021-53-2-3

20. Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. – М.: Наука, 1981. – 302 с.
21. **Кубарев В. Д.** Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1984. – 230 с.
22. **Кубарев В. Д., Кубарев Г. В.** Новые древнетюркские изваяния Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2009 г. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 307–311.
23. **Miller A. R. V., Wilkin S., Bayarsaikhan J., Ramsøe A., Clark J., Byambadorj B., Vanderwarf S., Vanwezer N., Haruda A., Fernandes R., Miller B., Boivin N.** Permafrost preservation reveals proteomic evidence for yak milk consumption in the 13th century // *Communications Biology*. – 2023. – Vol. 6. – Article number: 351.
24. **Знаменский А.** «Белая вера» в Горном Алтае: тибетский буддизм, Монголия и Ойротское пророчество (1880-е – 1920-е гг.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2020. – № 1 (38). – С. 123–151.
25. **Козьмин В. К.** Влияние монгольского буддизма на формирование и развитие бурханизма на Алтае // Этнографическое обозрение. – 2005. – № 4. – С. 45–64.
26. **Данилин А. Г.** Бурханизм: из истории национально-освободительного движения в Горном Алтае. – Горно-Алтайск: Ак-чечек, 1993. – 206 с.
27. **Потапов Л. П.** Очерки по истории алтайцев. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. – 444 с.
28. **Сагалаев А. М.** Мифология и верования алтайцев: Центрально-азиатские влияния. – Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние, 1984. – 121 с.
29. **Сагалаев А. М.** Алтай в зеркале мифа. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1992. – 176 с.
30. **Дьяконова В. П.** Алтайцы: материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Юч-Сумер, 2001. – 221 с.
31. **Виноградов А.** Феномен «белой веры» в Южной Сибири // Антропология и археология Евразии. – 2007. – № 45 (3). – С. 73–88.
32. **Насонов А. А.** Распространение ламаизма на территории Алтае-Саянского региона (конец XIX – первая треть XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Томск: Томский гос. университет, 2011. – 19 с.
33. **Арзютов Д. В.** Социальная сеть религиозного движения (к проблеме понимания современного Ак-Жанг на Алтае) // Культура как система в историческом контексте: опыт западно-сибирских археолого-этнографических совещаний. – Томск: Аграф-Пресс, 2010. – С. 92–94.
34. **Знаменский А.** На северной периферии буддизма: мессианское движение «Амурсаны» в западной Монголии и «белая вера» на Алтае // Буддизм в контексте диалога культур. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2015. – С. 261–328.
35. **Шерстова Л. И.** Бурханизм в Горном Алтае. Истоки национальной идеологии и тенденции ее развития // Народы Сибири: Сибирский этнографический сборник. – М.: Изд-во ИАЭ РАН, 1997. – Кн. 3, вып. 8. – С. 171–215.
36. **Шерстова Л. И.** Бурханизм: истоки этноса и религии. – Томск: Томский государственный университет, 2010. – 287 с.
37. **Михайлов Д. А.** Идеология возрождения и конструирование алтайских национализмов // Антропологический форум. – 2016. – № 31. – С. 63–85.
38. **Михайлов Д. А.** Алтайский национализм и археология // Этнографическое обозрение. – 2013. – № 1. – С. 37–51.
39. **Тадина Н.** Два взгляда на Бурханизм у Алтай-кижи // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2013. – № 4. – С. 159–166.

REFERENCES

1. Tyulyaev S. I. The Art of India. III thousand – VII century a.d, Moscow: Iskusstvo, 1988, 344 p. (In Russian)
2. Bactrian Gold from the excavations of the Tillya tepe necropoii in northers Afganistan, Leningrad: Aurora, 1985, 260 p.

3. The oldest states of the Caucasus and Central Asia. *Archeology of the USSR*. Moscow: Nauka, 1985, 496 p. (In Russian)
4. Mkrtychev T. K. Buddhist art of Central Asia (I–X centuries.). Moscow: IKTS “Akademkniga”, 2002, 286 p. (In Russian)
5. Borodovsky A. P. The subject of oriental toreutics from the vicinity of Novosibirsk. *Bulletin of NSU, Series: History, philology*, 2021, Vol. 20, No. 5: Archeology and Ethnography, pp. 96–103. DOI: 10.25205/1818-7919-2021-20-5-82-90. (In Russian)
6. Guseva N. R. Artistic crafts of India. Moscow: Nauka, 1982, 238 p. (In Russian)
7. Kyzlasov L. R. History of Southern Siberia in the Middle Ages. Moscow: Higher school, 1984, 166 p.
8. Kyzlasov L. R., Korol G. G. Decorative art of medieval Khakas as a historical source. Moscow: Nauka, Main editorial office of Oriental literature, 1990, 216 p. (In Russian)
9. Nechaeva L.G. Burials with corpse burials of the Tora-Tal-Arty burial ground. Proceedings of the Tuvan complex archaeological and ethnographic expedition 1959–1960. Vol. 2. M.–L., 1966, pp. 108–142. (In Russian)
10. Evtyukhova L. A. Archaeological monuments of medieval Kyrgyz (Khakass). Abakan, 1948, 109 p. (In Russian)
11. Kiselyov S. V. Ancient history of Southern Siberia. Moscow, Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1949, 364 p. (Materials and research on the archaeology of the USSR, No. 9). (In Russian)
12. Khudyakov Yu. S. Ornament of set belts from the burials of Nixhai. *Plastics and drawings of ancient cultures*. Novosibirsk, 1983, pp. 144–153. (In Russian)
13. Korol G. G. The unknown in the known: a collection of accidental finds of medieval toreutics of small forms from the Minusinsk basin. *Problems of history, philology, culture*, 2021, no. 2, pp. 101–127. DOI: 10.18503/1992-0431-2021-2-72-101-127. (In Russian)
14. Korol G. G., Fokin S. M. New variants of the Buddhist motif in medieval decor (Middle Yenisei). *Russian Archeology*, 2020, no. 3, pp. 63–78. (In Russian)
15. Marshak B. I. The history of Eastern Toreutics of the III–XIII centuries and the problems of cultural continuity. St. Petersburg: Academy of Cultural Research, 2017, 736 p. (In Russian)
16. Khudyakov Yu. S., Haslavskaya L. M. On the flame-shaped ornament in the South Siberian toreutic. *Roerich readings 1984*, Novosibirsk, 1983, pp. 244–249. (In Russian)
17. Skobelev S. G. Pendants with the image of the ancient Turkic goddess Umai. *Soviet architecture*, 1990, no. 2, pp. 226–233. (In Russian)
18. Shishkin V. A. Varakhsha. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1963, 250 p. (In Russian)
19. Gul T. I. On the dynastic cult of the rulers of Bukhara Sogd in the early Middle Ages (to the interpretation of the murals of the Varakhshi Palace). *Bulletin of Archeology, anthropology and ethnography*, 2021, no. 2 (53), pp. 28–39. DOI: 10.20874/2071-0437-2021-53-2-3. (In Russian)
20. Steppes of Eurasia in the Middle Ages. *Archeology of the USSR*. Moscow: Nauka, 1981, 302 p. (In Russian)
21. Kubarev V. D. Ancient Turkic sculptures of Altai. Novosibirsk: Nauka, 1984, 230 p. (In Russian)
22. Kubarev V. D., Kubarev G. V. New ancient Turkic sculptures of Altai. Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories: Materials of the final session of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS 2009. Novosibirsk: Publishing House of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, 2009, Vol. XV, pp. 307–311. (In Russian)
23. Miller A. R. V., Wilkin S., Bayarsaikhan J., Ramsøe A., Clark J., Byambadorj B., Vanderwarf S., Vanwezer N., Haruda A., Fernandes R., Miller B., Boivin N. Permafrost preservation reveals proteomic evidence for yak milk consumption in the 13th century. *Communications Biology*, 2023, Vol. 6, Article number: 351. (In Russian)
24. Znamensky A. “White Faith” in the Altai Mountains: Tibetan Buddhism, Mongolia and the Oirot prophecy (1880s – 1920s). *State, religion, Church in Russia and abroad*, 2020, no. 1 (38), pp. 123–151.
25. Kozmin V. K. The influence of Mongolian Buddhism on the formation and development of Burkhanism in Altai. *Ethnographic review*, 2005, no. 4, pp. 45–64. (In Russian)

26. Danilin A. G. Burkhanism: from the history of the national liberation movement in the Altai Mountains. Gorno-Altaysk: Ak-chechek, 1993, 206 p. (In Russian)
27. Potapov L. P. Essays on the history of the Altaians. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1953, 444 p. (In Russian)
28. Sagalaeв A. M. Mythology and beliefs of the Altaians: Central Asian influences. Novosibirsk: Nauka: Siberian Branch, 1984, 121 p. (In Russian)
29. Sagalaeв A. M. Altai in the mirror of myth. Novosibirsk: Nauka, Siberian Branch, 1992, 176 p. (In Russian)
30. Dyakonova V. P. Altaians: materials on ethnography of the Telengites of the Altai Mountains. Gorno-Altaysk: Yuch-Sumer, 2001, 221 p. (In Russian)
31. Vinogradov A. The phenomenon of the “white faith” in Southern Siberia. *Anthropology and Archeology of Eurasia*, 2007, no. 45 (3), pp. 73–88. (In Russian)
32. Nasonov A. A. The spread of Lamaism in the Altai-Sayan region (late XIX – first third of XX century): abstract ... candidate of Historical Sciences. Tomsk: Tomsk State University. University, 2011, 19 p. (In Russian)
33. Arzyutov D. V. The social network of the religious movement (on the problem of understanding modern Ak-ya in Altai). *Culture as a system in a historical context: the experience of West Siberian archaeological and ethnographic meetings*. Tomsk: Agraf-Press, 2010, pp. 92–94. (In Russian)
34. Znamensky A. On the northern periphery of Buddhism: the Messianic movement “Amursans” in western Mongolia and “white faith” in Altai. *Buddhism in the context of the dialogue of cultures. Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology SB RAS, Ulan-Ude: Publishing House of Buryat State University*, 2015, pp. 261–328. (In Russian)
35. Sherstova L. I. Burkhanism in the Altai Mountains. The origins of national ideology and the trends of its development. *Peoples of Siberia: Siberian Ethnographic collection*. Moscow: Publishing House of the IAE RAS, 1997, Book 3, Issue 8, pp. 171–215. (In Russian)
36. Sherstova L. I. Burkhanism: the origins of ethnos and religion. Tomsk: Tomsk State University, 2010, 287 p. (In Russian)
37. Mikhailov D. A. Ideologeme of renaissance and the construction of Altai nationalisms. *Anthropological Forum*, 2016, no. 31, pp. 63–85. (In Russian)
38. Mikhailov D. A. Altai nationalism and archeology. *Ethnographic review*, 2013, no. 1, pp. 37–51. (In Russian)
39. Tadina N. Two views on Burkhanism in Altai-Kizhi. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2013, no. 4, pp. 159–166. (In Russian)

Информация об авторе

А. П. Бороодовский, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, профессор, Новосибирский государственный педагогический университет, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, altaicenter2011@gmail.com

Information about the author

Andrew P. Borodovsky, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory, History of Culture and Museology, Novosibirsk State Pedagogical University, Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, altaicenter2011@gmail.com

Статья поступила в редакцию 10.11.2023

Одобрена после рецензирования 15.01.2024

Принята к публикации 25.01.2024

The article was submitted 10.11.2023

Approved after reviewing 15.01.2024

Accepted for publication 25.01.2024

РАЗДЕЛ II. ПРИКЛАДНАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

PART II. APPLIED CULTURAL STUDIES

Культурно-антропологические исследования. 2024. № 1

Culture and anthropology research journal. 2024. № 1

Научная статья

УДК 316.6 + 371

Культура художественно-эстетической деятельности в контексте проблемы формирования художественно-творческих навыков личности

Павленко Татьяна Владимировна¹

¹Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются различные аспекты формирования художественной культуры в художественно-творческой деятельности личности.

Художественная культура представляет собой особую область культуры, направленную на образно-творческое воспроизведение части окружающего мира.

Одной из наиболее важных функций художественной культуры является обеспечение сохранения создаваемых художественных ценностей, их передача от одного поколения к другому. Важной функцией художественной культуры является также формирование в процессе художественно-творческой деятельности эстетического сознания личности.

Становление художественной культуры личности является процессом сложным, выстраиваемым в определенном порядке. С одной стороны, такая деятельность складывается как стихийный процесс, а с другой – как целенаправленное творчество с заданными условиями художественно-творческой деятельности.

Культурно-образовательная среда, создаваемая педагогическим коллективом ДАХТиД, имеет вектор такого целенаправленного воздействия на личность школьника.

Реализация художественно-творческой деятельности позволяет старшему школьнику в художественном образовании раскрыть свои индивидуальные способности и сформировать творческие качества и компетенции.

Ключевые слова: сохранение создаваемых художественных ценностей; становление художественной культуры личности; эстетическое сознание личности; процесс художественно-творческой деятельности; целенаправленное творчество

Для цитирования: Павленко Т. В. Культура художественно-эстетической деятельности в контексте проблемы формирования художественно-творческих навыков личности // Культурно-антропологические исследования. – 2024. – № 1. – С. 25–37.

Culture of artistic and aesthetic activity in the context of the problem of formation of artistic and creative skills of a person

Tatyana V. Pavlenko¹

¹Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

Abstract. The article examines various aspects of the formation of artistic culture in the artistic and creative activity of a person. Artistic culture is a special area of culture aimed at imaginatively and creatively reproducing a part of the surrounding world.

One of the most important functions of artistic culture is to ensure the preservation of the created artistic values, their transfer from one generation to another. The most important function of artistic culture is also the formation of aesthetic consciousness of a person in the process of artistic and creative activity.

The formation of an artistic culture of an individual is a complex process, arranged in a certain order. On the one hand, such activity develops as a spontaneous process, and on the other – as purposeful creativity with given conditions of artistic and creative activity.

The cultural and educational environment created by the DAHTiD teaching staff has a vector of such a purposeful impact on the student's personality.

The realization of artistic and creative activity allows a senior student in art education to reveal his individual abilities and form creative qualities and competencies, the beginnings of his artistic culture.

Keywords: preservation of created artistic values; formation of artistic culture of the individual; aesthetic consciousness of the individual; the process of artistic and creative activity; purposeful creativity

For citation: Pavlenko T. V. Culture of artistic and aesthetic activity in the context of the problem of formation of artistic and creative skills of a person. *Culture and anthropology research journal*, 2024, no. 1, pp. 25–37.

Введение. Художественная культура представляет собой [1; 2; 3] особую область культуры, направленную на образно-творческое воспроизведение природы, общества и жизнедеятельности людей средствами народной художественной культуры и профессионального искусства.

Одной из наиболее важных функций художественной культуры является обеспечение сохранения создаваемых художественных ценностей, их передача от одного поколения к другому. Еще одной функцией художественной культуры является формирование в процессе художественно-творческой деятельности эстетического сознания личности.

Становление художественной культуры личности является процессом сложным, выстраивающимся в определенном порядке. С одной стороны, такая деятельность складывается как стихийный процесс, а с другой – как целенаправленное творчество с заданными условиями художественно-творческой деятельности.

Культурно-образовательная среда, создаваемая педагогическим коллективом ДАХТиД, имеет вектор такого целенаправленного воздействия на личность школьника.

В научной литературе в последнее время активно исследуются различные аспекты становления художественной культуры личности:

– выявляются особенности развития эмоциональной сферы и творческого мышления детей (С. В. Фролова [4]);

– определяется специфика развития пространственного мышления (L. T. Katarzyna, M. Szarek [5]);

– описываются [6] значимые аспекты в личностном и интеллектуально-творческом развитии детей в различных видах деятельности;

– описываются [7; 8; 9] формируемые методологии модели художественно-эстетической деятельности;

– выявляются [10; 11] способы повышения продуктивности обучаемости, стимуляции их творческого мышления;

– активно изучается [12; 13] так называемый социальный интеллект личности, способы управления эмоциональными состояниями [14; 15], делается акцент на арт-терапевтических занятиях, на создании благоприятной среды обучения [16; 17];

– существенное внимание уделяется развитию художественно-творческих навыков в условиях развивающейся цифровой среды [18; 19; 20; 21].

В исследованиях показывается, что художественная культура призвана передавать традиции, творческий опыт, способы художественного освоения мира, а также обеспечивать развитие искусства – обновление, совершенствование.

Уровень эстетического развития личности, способность откликаться на красоту и творить по законам красоты формируется профессиональным сообществом педагогов-художников ДАХТиД. Самые результативные проявления творческой энергии и инициативы преподавателей аккумулируются в сложных проектах, которые оформляются для грантовых конкурсов. За последние три года ДАХТиД приняла участие в разработке и реализации более семи социально-культурных проектов, подаваемых на конкурсы грантов Президентского фонда и Фонда культурных инициатив. Работа педагогической команды ДАХТиД является одним из педагогических условий успешного развития обучающихся внутри достижений российской и мировой культуры.

Методология. Исследовательской площадкой стала Детская академия художественного творчества и дизайна (ДАХТиД), являющаяся структурным подразделением Института искусств ФГБОУ ВО «НГПУ», сформированного в 2017 г.

Основной задачей реализации данной площадки стало создание инновационной системы непрерывного многоуровневого профильного образования обучающихся [22] как части единой университетской системы подготовки кадров, обеспечивающей качество художественно-эстетического и социально-педагогического образования.

Преподавательский состав ДАХТиД: художники-педагоги, мастера из профессиональной среды, ученые, – включенные в разработку сложных культурных проектов, являются гарантами передачи художественной культуры, которые, владея всеми приемами педагогического мастерства, вовлекают обучающихся в творческий эксперимент, который снижает страх новизны, убирает

«комплекс белого листа», дает свободу самовыражения внутри культурных кодов и традиций через совместные и индивидуальные проекты.

Задача коллектива – раскрытие творческого потенциала обучающихся, который проявляется в их работах, но выбор самостоятельной темы для творчества бывает сложен: 60 % обучающихся на первых порах не могут определиться с выбором темы, у них отсутствует насмотренность, техника и т. д., им необходима помощь педагога.

Сложные культурные коды и смыслы, которые несут взрослые, через создание особых условий транслируются подрастающему поколению, от их наличия и степени развития в человеке зависит его интеллигентность, творческая направленность устремлений и деятельности, особая одухотворенность отношений к миру и другим людям. Без развитой способности к эстетическому чувству, переживанию будущие студенты вряд ли смогут реализовать себя в прекрасном мире «второй природы», то есть культуры. Однако их формирование является результатом целенаправленного воздействия, т. е. эстетического воспитания.

Результаты. Деятельность каждого проекта направлена на лучшие образцы и традиции русской культуры. Это источник вдохновения для преподавательского состава. Например, «Интерактивный форум-фестиваль сказочных игр и игрушек», разработанный для грантового конкурса Президентского фонда поддержки культурных инициатив. В нем мы обращаемся к сложному миру сказки. Данным проектом команда поднимает важнейший вопрос о поиске эффективных механизмов трансляции духовно-нравственных основ нашей культуры. От того, чем, во что играют наши дети, что читают и что смотрят, зависит направленность их деятельности в будущем. Будет ли она направлена на созидание, во благо страны или на разрушение зависит от культурной среды, которую мы создаем. Фестивали всегда служили демонстрацией многообразия форм и способов работы с тем или иным материалом. Мы абсолютно согласны с тем, что нужно создавать такие форматы фестиваля, которые соответствуют формам детского бытия и поддерживают экологию детства. В решении этой задачи нужны интерактивные формы работы по освоению и проживанию самим ребенком внутреннего содержания сказки. Это позволит включить активность и механизм размышления ребенка. Способность удивляться и задавать вопросы – две составляющие образовательного самодвижения в любом направлении освоения человеческих деятельностей, будь то дизайнер, врач или архитектор. Один интерактивный фестиваль, конечно, не решит всех вопросов, но станет поводом для диалога институтов просвещения, родителей, управленцев о роли игрового контента для воспитания. Немаловажным на фестивале станет визуализация сказочных атрибутов и игровых зон. Подключить обучающихся к таким формам работы очень легко. Они с удовольствием учатся и создают свою новую культурную реальность.

Рис. 1. Работы обучающихся ДАХТиД.
«Сказочные персонажи». Мягкая игрушка

Художественная направленность личности педагога выступает важным фактором организации и самого процесса материально преобразующей деятельности. Ее нацеленность на творчество, на достижение художественно-образной выразительности создаваемых предметов и мероприятий, на искусность и мастерство позволяет создавать интересные произведения в соавторстве с юными творцами. Например «Ёлки Великой Победы: социокультурное значение игрушки», который был заявлен АНО «Межрегиональный центр творческого развития и популяризации ремесел “Семейные традиции”» на конкурс Фонда культурных инициатив, где ДАХТиД стала одной из 7 региональных площадок.

Проект создан в преддверии юбилея Великой Победы в 2025 году и в рамках Года педагога и наставника, объявленного Президентом РФ в 2023 году. Важным аспектом в воспитании подрастающего поколения является вовлечение школьников в изучение истории ВОВ с использованием нестандартных методов преподавания. Изучение героических страниц истории с помощью

Рис. 2. Настольная игра «Рисовариум».

Разработка механики игры и визуализация обучающихся 3-й степени

различных педагогических и творческих приемов позволят повлиять на мировоззрение обучающихся и сохранить историко-культурный опыт России. С помощью знакомых с детства образов игрушек с наибольшей глубиной материализуется историческая память и воспитывается чувство патриотизма. Особенностью стала технология ватной валяной игрушки, которой сначала овладели преподаватели, а затем и обучающиеся академии. В рамках проекта преподаватели и обучающиеся Детской академии:

- подготовили методическую программу обучения «Социокультурное воспитание детей и подростков: уроки истории ВОВ в игрушке» с апробированием на школьниках города Новосибирска (200 человек);
- провели экскурсии совместно с муниципальным автономным учреждением культуры города Новосибирска «Музей Новосибирска»;
- изготовили коллекцию «Игрушки Победы» (45 шт.) вместе с обучающимися;
- украсили Ёлку Победы, которая была установлена по адресу г. Новосибирск, ул. Советская, дом 79, Институт искусств ФГБОУ ВО «НГПУ»;
- создали 2 фильма по теме проекта;
- приняли участие в итоговом телемосте, круглых столах и конференции в рамках мероприятий, приуроченных к празднованию Дня Победы.

Рис. 3. Ватная игрушка, работа обучающейся 3-й степени
«Д. Д. Шостакович. Герои Победы»

Преподаватели формируют образ будущего мастера, художника, дизайнера, заинтересованного зрителя в обучающемся школьнике. Качества, к которым они стремятся: мастерство, художественное чутье, сноровка и вдохновение, – помогают достигать уникальных результатов, дающих основание квалифицировать их труд как деятельность по законам красоты и педагогического мастерства.

Художественное творчество интерпретируется как мышление в материале, т. е. создаваемое с помощью представления цвета, пластики, звука. Поэтому включать обучающихся Детской академии художественного творчества и дизайна в разработку визуальной составляющей проекта является ключевой задачей. Например, проект «Интерактивная родительская школа в формате культурно-образовательных событий», поданный на конкурс Фонда культурных инициатив, направлен на решение вопроса поиска эффективных механизмов преемственности воспитательных традиций и сохранения духовно-нравственных основ нашей культуры. Доминирующий медиаконтент с преобладанием

Рис. 4. Ватная игрушка, работа кураторов 3-й ступени
«Боец и Медсестра. Герои Победы»

западной мульт-продукции отражает зачастую чуждые русской культуре концепции. Это, в свою очередь, определяет и интересы производителей игрушек. В итоге мы получаем визуализацию и материализацию образов для наполнения детской игровой среды, которая никем и ничем не экспертируется и не корректируется. Это ослабляет влияние родительской педагогики на трансляцию базовых представлений о том, что такое хорошо и что такое плохо, в контексте нашей, российской культуры. Создание игрушек и игр-мультфильмов своими руками, на основе художественных произведений – народных и авторских сказок, на наш взгляд, может не только стать хорошей практикой и системой обучения детей и родителей, но и ускорить процесс формирования «родительского запроса» к производителям игрушек, профессиональным сообществам художников, дизайнеров, психологов. Новосибирск может стать пилотной площадкой для выработки системы формирования культуросберегающей воспитательно-образовательной среды для детей.

Заключение. Все сказанное выше о художественной культуре личности подводит нас к мысли о чрезвычайной важности целенаправленного ее формирования в школьном возрасте в условиях художественно-творческой деятельности.

Рис. 5. Работа с родителями и детьми в период реализации проекта

Рис. 6. Работа по созданию сказочного медиаконтента

Следует отметить, что нами перечислены далеко не все аспекты художественно-творческой деятельности обучающихся. Но в целом такой многоплановый подход к формированию художественной культуры обучающихся в художественной педагогике представляется единственно верным.

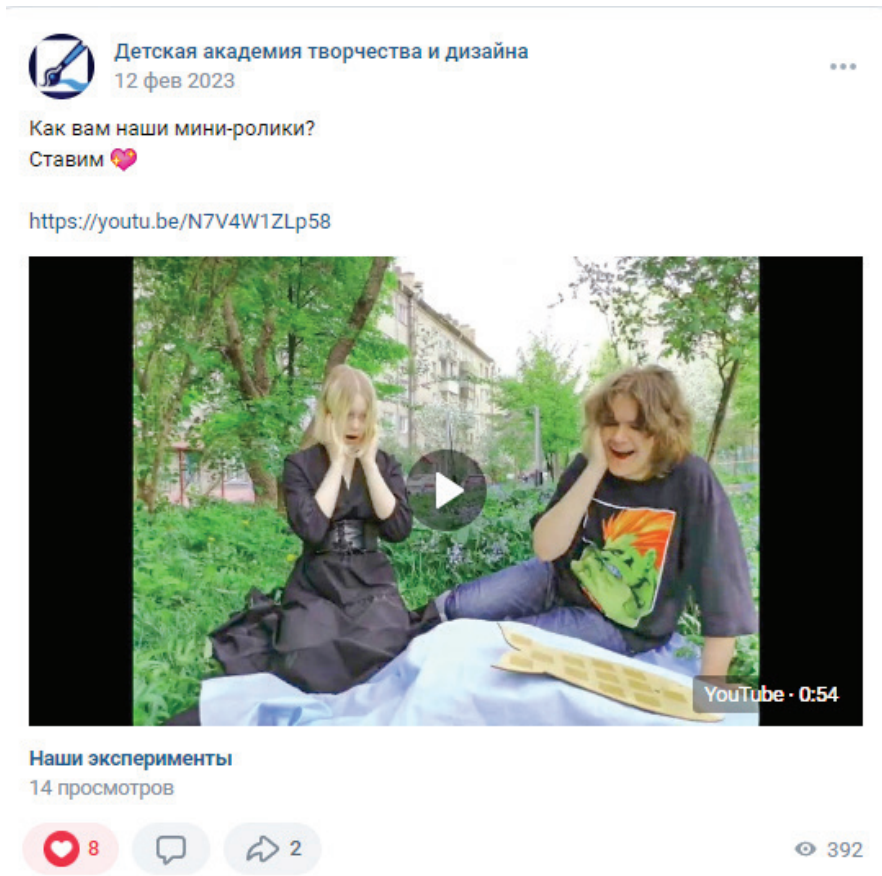

Рис. 7. Публикация в социальных сетях медиаконтента

Тема каждого такого художественно-творческого проекта может быть совершенно уникальной, как было показано нами. Реализация художественно-творческой деятельности позволяет старшему школьнику в художественном образовании раскрыть свои индивидуальные способности и сформировать творческие качества и компетенции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Культура и культурология:** словарь / под редакцией А. И. Кравченко. – М., 2003.
2. **Викторов В. В.** Культурология. – М.: Экзамен, 2002.
3. **Кравченко А. И.** Культурология. – М.: Академический проспект, 2003.
4. **Фролова С. В.** Традиционные детские игры и сказки как факторы психического развития личности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2009. – Т. 9, № 2. – С. 98–102. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16962367>
5. **Katarzyna L. T., Szarek M.** Beyond inhibitory control: relationship between spatial and social skills in preschool children // Cognitive Development. – 2021. – Vol. 59. – P. 101084. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cogdev.2021.101084>.

6. **Батенова Ю. В., Волчегорская Е. Ю., Ежова С. В., Типушков С. В., Филиппова О. Г.** Исследование факторов повышения умственной работоспособности и снижения социальной тревожности младших школьников // *Science for Education Today*. – 2022. – Т. 12, № 4. – С. 26–45. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2204.02>.
7. **Дегтева И. Б.** Теоретическая модель и опытно-экспериментальное исследование художественно-эстетической деятельности старших школьников // *Педагогическое образование в России*. – 2009. – № 1. – С. 98–106.
8. **Белогорцева И. Е., Гричаникова И. А.** Опыт создания учебно-производственного кластера по профессиональному образованию в области художественного искусства на примере Белгородского государственного института искусств и культуры // *Наука. Искусство. Культура*. – 2015. – № 1 (5). – С. 130–139.
9. **Ломов С. П.** Методология художественной деятельности // *Инновационные проекты и программы в образовании*. – 2013. – № 2. – С. 49–52.
10. **Бадян В. Е.** Методическая система развивающего обучения основам композиции учащихся детских художественных школ // *Вестник Костромского государственного университета*. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2010. – № 1. – С. 34–38.
11. **Абдуллина Л. Б., Петрова Т. И., Сулейманова Ф. М., Косцова С. А.** Формы и методы художественно-эстетического воспитания младших школьников в образовательном процессе начальной школы // *Мир науки, культуры, образования*. – 2020. – № 3 (82). – С. 317–320. DOI: [10.24411/1991-5497-2020-00558](https://doi.org/10.24411/1991-5497-2020-00558).
12. **Погодаева М. В., Чепурко Ю. В.** Исследование эмоциональной компетентности педагогов и ее развитие в ходе тренинговых занятий // *Science for Education Today*. – 2022. – Т. 12, № 2. – С. 51–72. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2202.03>.
13. **Sánchez-Álvarez N., Berrios Martos M. P., Extremera N. A.** Meta-Analysis of the Relationship Between Emotional Intelligence and Academic Performance in Secondary Education: A Multi-Stream Comparison // *Frontiers in Psychology*. – 2020. – Vol. 11. – P. 1517. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.01517>.
14. **Щербинина О. С., Грушецкая И. Н., Захарова Ж. А.** Исследование психолого-педагогических условий решения социально-культурных задач социализации одаренными подростками // *Science for Education Today*. – 2023. – № 2. – С. 7–24. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2302.01>
15. **Casino-García A. M., Llopis-Bueno M. J., Llinares-Insa L. I.** Emotional Intelligence Profiles and Self-Esteem/Self-Concept: An Analysis of Relationships in Gifted Students // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. – 2021. – Vol. 18 (3). – P. 1006. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph18031006>
16. **Трифоновна И. С., Токарев А. А., Левенкова А. Ю.** Создание благоприятной среды обучения: оценка влияния доминирующих стилей любви на мотивацию студентов // *Science for Education Today*. – 2023. – № 5. – С. 31–50. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2305.02>.
17. **Shin M., Bolkan S.** Intellectually stimulating students' intrinsic motivation: The mediating influence of student engagement, self-efficacy, and student academic support // *Communication Education*. – 2021. – Vol. 70 (2). – P. 146–164. DOI: <https://doi.org/10.1080/03634523.2020.1828959>.
18. **Рылеева А. С., Хомутникова Е. А., Еманова С. В.** Развитие soft skills у старшеклассников с применением цифровых инструментов // *Science for Education Today*. – 2022. – Т. 12, № 1. – С. 77–98. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2201.04>.
19. **Anton-Sancho A., Vergara D., Fernandez-Arias P.** Self-Assessment of Soft Skills of University Teachers from Countries with a Low Level of Digital Competence // *Electronics*. – 2021. – Vol. 10 (20). – P. 2532. DOI: <https://doi.org/10.3390/electronics10202532>.
20. **Матушак А. Ф., Павлова О. Ю., Ахкамова Ю. А., Беспалова Д. С., Лапшина Л. М., Шереметьева Е. В., Цилицкий В. С.** Сравнение представлений студентов и преподавателей об эффективности системы подготовки будущих учителей к воспитанию школьников в цифровом образовательном пространстве // *Science for Education Today*. – 2023. – № 4. – С. 7–29. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2304.01>.

21. Fütterer T., Hoch E., Lachner A., Scheiter K., Stürmer K. High-quality digital distance teaching during COVID-19 school closures: Does familiarity with technology matter? // *Computers & Education*. – 2023. – Vol. 199. – P. 104788. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2023.104788>.
22. Павленко Т. В., Лисецкая Е. В., Рубцова Л. В. Подготовка студентов к организации деятельности детской академии художественного творчества и дизайна: учебно-методическое пособие. – Новосибирск, 2019.

REFERENCES

1. Culture and Cultural Studies: A dictionary / Edited by A. I. Kravchenko. Moscow, 2003. (In Russian)
2. Viktorov V. V. Culturology. Moscow: Exam, 2002. (In Russian)
3. Kravchenko A. I. Culturology. Moscow: Akademicheskii Prospekt, 2003. (In Russian)
4. Frolova S. V. Traditional children's games and folk fairy tales as factors of mental development of person. *Saratov University News. New series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogics*, 2009, vol. 9 (2), pp. 98–102. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16962367> (In Russian)
5. Katarzyna L. T., Szarek M. Beyond inhibitory control: Relationship between spatial and social skills in preschool children. *Cognitive Development*, 2021, vol. 59, pp. 101084. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cogdev.2021.101084>
6. Batenova Y. V., Volchegorskaya E. Y., Ezhova S. V., Tipushkov S. V., Filippova O. G. Factors of increasing mental efficiency and reducing social anxiety in primary schoolchildren. *Science for Education Today*, 2022, vol. 12 (4), pp. 26–45. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2204.02> (In Russian)
7. Degteva I. B. Theoretical model and experimental research of artistic and aesthetic activity of senior schoolchildren. *Pedagogical education in Russia*, 2009, no. 1, pp. 98–106. (In Russian)
8. Belogortseva I. E., Grichanikova I. A. The experience of creating an educational and production cluster for vocational education in the field of art on the example of the Belgorod State Institute of Arts and Culture. *Nauka. Art. Culture*, 2015, no. 1 (5), pp. 130–139. (In Russian)
9. Lomov S. P. Methodology of artistic activity. *Innovative projects and programs in education*, 2013, no. 2, pp. 49–52. (In Russian)
10. Badyan V. E. Methodical system of developing teaching the basics of composition to students of children's art schools. *Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 2010, no. 1, pp. 34–38. (In Russian)
11. Abdullina L. B., Petrova T. I., Suleymanova F. M., Kostsova S. A. Forms and methods of artistic and aesthetic education of younger schoolchildren in the educational process of primary school. *The World of Science, Culture, and Education*, 2020, no. 3 (82), pp. 317–320. DOI: [10.24411/1991-5497-2020-00558](https://doi.org/10.24411/1991-5497-2020-00558) (In Russian)
12. Pogodaeva M., Chepurko Y. The study of teachers' emotional competence and its development during training sessions. *Science for Education Today*, 2022, vol. 12 (2), pp. 51–72. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2202.03> (In Russian)
13. Sánchez-Álvarez N., Berrios Martos M. P., Extremera N. A. Meta-analysis of the relationship between emotional intelligence and academic performance in secondary education: A multi-stream comparison. *Frontiers in Psychology*, 2020, vol. 11, pp. 1517. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.01517>
14. Shcherbinina O. S., Grushetskaya I. N., Zakharova Z. A. The investigation of psychological-pedagogical conditions for the solution of socio-cultural socialization tasks of gifted adolescents. *Science for Education Today*, 2023, vol. 13, no. 2, pp. 7–24. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2302.01> (In Russian)
15. Casino-García A. M., Llopis-Bueno M. J., Llinares-Insa L. I. Emotional intelligence profiles and self-esteem/self-concept: An analysis of relationships in gifted students. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2021, vol. 18 (3), pp. 1006. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph18031006>
16. Trifonova I. S., Tokarev A. A., Levenkova A. Y. Creating a supportive learning environment: The impact of dominant love styles on students' motivation. *Science for Education Today*, 2023, vol. 13, no. 5, pp. 31–50. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2305.02> (In Russian)

17. Shin M., Bolkan S. Intellectually stimulating students' intrinsic motivation: The mediating influence of student engagement, self-efficacy, and student academic support. *Communication Education*, 2021, vol. 70 (2), pp. 146–164. DOI: <https://doi.org/10.1080/03634523.2020.1828959>
18. Ryleeva A. S., Khomutnikova E. A., Emanova S. V. Developing soft skills in high school students using digital tools. *Science for Education Today*, 2022, vol. 12 (1), pp. 77–98. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2201.04> (In Russian)
19. Anton-Sancho A., Vergara D., Fernandez-Arias P. Self-Assessment of soft skills of university teachers from countries with a low level of digital competence. *Electronics*, 2021, vol. 10 (20), pp. 2532. DOI: <https://doi.org/10.3390/electronics10202532>
20. Matuszak A. F., Pavlova O. Y., Akhkamova Y. A., Bepalova D. S., Lapshina L. M., Sheremetyeva E. V., Tsilitsky V. S. The system of preparing future teachers for providing moral education of schoolchildren within the digital learning environment: A comparative analysis of undergraduates and academics' evaluative opinions. *Science for Education Today*, 2023, vol. 13, no. 4, pp. 7–29. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2304.01> (In Russian)
21. Fütterer T., Hoch E., Lachner A., Scheiter K., Stürmer K. High-quality digital distance teaching during COVID-19 school closures: Does familiarity with technology matter? *Computers & Education*, 2023, vol. 199, pp. 104788. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2023.104788>
22. Pavlenko T. V., Lisetskaya E. V., Rubtsova L. V. *Preparation of students for organizing the activities of the Children's Academy of Artistic creativity and design: educational and methodical manual*. Novosibirsk, 2019. (In Russian)

Информация об авторе

Т. В. Павленко, руководитель ДАХТиД, Институт искусств, Новосибирский государственный педагогический университет, ORCID <https://orcid.org/0009-0004-5802-4264>, tvpavlenko@mail.ru

Information about the author

Tatyana V. Pavlenko, Head of DAHTiD, Institute of Arts, Novosibirsk State Pedagogical University, ORCID <https://orcid.org/0009-0004-5802-4264>, tvpavlenko@mail.ru

Поступила 01.01.2024

Received 01.01.2024

Одобрена после рецензирования 12.02.2024

Approved after peer review 12.02.2024

Принята к публикации 20.02.2024

Accepted for publication 20.02.2024

Научная статья
УДК 101+316.6+37.1

Основания формирования ценностного содержания современной личности средствами искусства

Тен Виталий Хончелович¹

¹Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

Аннотация. Складывающаяся в последнее время ситуация развития современного общества, его культуры, влечет за собой необходимость исследования вопросов ценностных оснований происходящих изменений.

Закономерно исследуются вопросы духовно-нравственного возрождения и сформированности духовно-нравственных ценностей современной личности. Проблема становится междисциплинарной. Данным проблемам уделяется особое внимание в нормативно-правовых документах, исходящих от государства.

В аспекте важных аксиологического и культурологического подходов нами были проанализированы исследования в области решения проблемы формирования ценностных оснований культуры современной личности и показаны практические решения, оказывающие влияние на развитие ценностного поля средствами искусства.

Ключевые слова: ценностные основания культуры; ценностное содержание современной личности; формирование ценностей средствами искусства; духовно-нравственное возрождение

Для цитирования: Тен В. Х. Основания формирования ценностного содержания современной личности средствами искусства // Культурно-антропологические исследования. – 2024. – № 1. – С. 38–45.

Scientific article

Bases for the formation of the value content of modern personality by means of art

Vitaliy H. Ten¹

¹Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

Abstract. The recent situation of the development of modern society and its culture entails the need to study the issues of the value bases of the changes taking place.

The issues of spiritual and moral revival and the formation of spiritual and moral values of a modern personality are naturally investigated. The problem is becoming interdisciplinary.

Special attention is paid to these problems both in regulatory and legal documents emanating from the state. Strategically important documents are being developed at the state level.

In the aspect of important axiological and cultural approaches, we analyzed research in the field of solving the problem of forming the value foundations of the culture of

a modern personality and showed practical solutions that determine the impact on the development of the value field by means of art.

Keywords: the value foundations of culture; the value content of a modern personality; the formation of values by means of art; spiritual and moral revival

For citation: Ten V. H. Bases for the formation of the value content of modern personality by means of art. *Culture and anthropology research journal*, 2024, no. 1, pp. 38–45.

Введение. В настоящей работе в центре внимания – проблема формирования ценностных оснований культуры современной личности средствами искусства.

Складывающаяся в последнее время ситуация развития современного общества, его культуры, влечет за собой необходимость исследования вопросов ценностных оснований происходящих изменений. Закономерно исследуются вопросы духовно-нравственного возрождения и сформированности духовно-нравственных ценностей современной личности. Проблема становится междисциплинарной, активно подключаются к дискуссии не только представители философских, культурологических, лингвистических направлений научного знания, но и педагогических, психологических и др.

Актуализируются проблемы не только успешности научения [1–5], в том числе и традиционным ценностям родной культуры для ориентирования в складывающихся новых условиях, но все больше внимания уделяется [6–9] именно вопросам становления устойчиво ориентированной на духовно-нравственные ценности, а следовательно, воспитанной в духе патриотизма личности.

Данным проблемам уделяется особое внимание [7; 8; 10] как в нормативно-правовых документах, исходящих от государства, так и в конкретных программах развития, сформированных самим обществом.

На государственном уровне разрабатываются стратегически важные документы: «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [11]; «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [12]; «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [13].

Цель статьи – определение важных оснований проблемы формирования ценностного содержания современной личности средствами искусства, ее практической реализации.

Методология. Исследование разворачивается в контексте, прежде всего, аксиологического и культурологического подходов.

С позиции аксиологического подхода нравственное и эстетическое ценностные основания являются основополагающими в становлении личности.

С точки зрения культурологического подхода поле духовных оснований культуры представлено как основная среда для становления развитой духовно-нравственной личности (В. А. Слостенин, Ш. А. Амонашвили и др.). Именно ценностные основания духовной культуры являются условием гармонизации

внутренней духовной сущности человека с окружающим его миром и, особенно – с самим собой (С. Т. Шацкий).

В аспекте важных аксиологического и культурологического подходов нами были проанализированы исследования в области решения проблемы формирования ценностных оснований культуры современной личности и показаны практические решения, определяющие влияние на развитие ценностного поля средствами искусства.

Результаты. В современную эпоху большое значение приобретает осмысление ценностей с позиции смысла и бытия человека. Наша судьба должна быть в наших руках. Переход в это состояние естественен и возможен, если мы будем создавать и транслировать нашу культуру и наши ценности.

Сегодня культура – это больше чем просто среда, созданная человеком. Культура служит основанием для единства нашего народа во всем его многообразии. Культурные основания сочетают в себе историю народа, его религию, воспитанность и обученность в духе традиций своего народа (рис. 1).

Рис. 1. Формулирование культурологических оснований предложенного проекта авторов

Именно на основе данной культуры формируется мировоззрение личности и ее жизненный уклад, создаются новые технологии и продукты.

Данные тезисы легли в основу проекта, представленного на встрече президента с представителями Дальневосточного федерального округа во время поездки президента по Дальнему Востоку, в Хабаровске на площадке Тихоокеанского государственного университета.

Президент в формате открытого диалога пообщался с представителями анимационной студии¹ (рис. 2, рис. 3).

¹ Встреча президента с представителями анимационной студии в Хабаровске 11 января 2023 г. https://vk.com/video-15755094_456417157?list=b51e6fc507b825d212

Рис. 2. Общение с президентом в формате открытого диалога

Рис. 3. Общение с Президентом РФ в формате открытого диалога (представители анимационной студии (г. Хабаровск); реализованные творческие проекты)

Во время встречи было сделан акцент на необходимости создания нового центра культуры, основанного на формировании, с одной стороны, технологичного, а с другой – духовно-нравственного мировоззрения современной личности. Такого центра, который мог бы соединить представленные направления, нет (рис. 3).

Рис. 3. Обоснование необходимости создания нового центра культуры

В основании представленного проекта «Технопарк-культура» авторами закладываются идеи культурных оснований, формирующих мировоззрение современной личности (рис. 1).

Необходимо подчеркнуть также специфику среды цифрового мира, которая в настоящее время является площадкой для формирования современного содержания ценностей.

Однако практика показывает, насколько остро встает вопрос формирования и наполнения цифровой культуры ценностными основаниями.

Как отмечалось нами ранее [14], в современном мире происходит большой разрыв взаимосвязи между образованием и воспитанием подрастающего поколения. В цифровом пространстве (онлайн-курсы, социальные сети) созданы условия доступной среды для онлайн-образования, но одновременно изменились условия среды воспитания, повлиявшие на трансформацию ценностей подрастающего поколения. На смену традиционному процессу формирования и передачи ценностей «традиции и обычаи», «из поколения в поколение», «из уст в уста», от «отца к сыну» пришли современные технологии. Скорость и доступность распространения содержательной части цифрового контента многократно превысила традиционные методы передачи ценностей [14].

Проект «Технопарк-культура» – площадка, где мы могли бы объединить технологии и культуру, поскольку только в этой связке возможно появление нового, воспитание и становление духовно-нравственной личности.

Заключение. Таким образом, нами были выявлены следующие важные основания проблемы формирования ценностей молодежи средствами искусства в современной специфике формирующего общества.

Складывающаяся в последнее время ситуация развития современного общества, его культуры, влечет за собой необходимость исследования вопросов ценностных оснований происходящих изменений.

Закономерно исследуются вопросы духовно-нравственного возрождения и сформированности духовно-нравственные ценностей современной личности. Проблема становится междисциплинарной.

Данным проблемам уделяется особое внимание в нормативно-правовых документах, исходящих от государства. На государственном уровне разрабатываются стратегически важные документы.

В аспекте важных аксиологического и культурологического подходов нами были проанализированы исследования в области решения проблемы формирования ценностных оснований культуры современной личности и показаны практические решения, определяющие влияние на развитие ценностного поля средствами искусства.

Реализуемый проект «Технопарк-культура» – площадка, где мы могли бы объединить технологии и культуру, поскольку только в этой связке возможно появление нового, воспитание и становление духовно-нравственной личности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Гордеева Т. О., Гижицкий В. В., Сычев О. А., Гавриченко Т. К.** Мотивация самоуважения и уважения другими как факторы академических достижений и настойчивости в учебной деятельности // Психологический журнал. – 2016. – Т. 37, № 2. – С. 57–68. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26002058>
2. **Пушкарёв Ю. В., Пушкарёва Е. А.** Факторы, определяющие развитие когнитивных способностей в условиях цифровизации процессов образования: обзор текущих исследований // Science for Education Today. – 2022. – Т. 12, № 6. – С. 111–136. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2206.05>
3. **Федина Н. В., Дормидонтов Р. А., Елисеев В. К.** Основные тенденции и приоритеты в исследованиях когнитивных и некогнитивных предикторов академической успешности в России и за рубежом // Science for Education Today. – 2022. – Т. 12, № 6. – С. 7–31. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2206.01>
4. **Allphin M. A.** Meta-analysis on Non-Cognitive Predictors of College Student Academic Performance // Academic Advising Commons. – 2020. – Vol. 1090. – URL: https://ideaexchange.uakron.edu/honors_research_projects/1090
5. **Тавстуха О. Г., Ганаева Е. А., Муратова А. А., Шавшаева Л. Ю., Матвиевская Е. Г.** Обзор исследований способов преодоления учебной неуспешности учащихся // Science for Education Today. – 2022. – Т. 12, № 6. – С. 32–54. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2206.02>
6. **Пушкарёв Ю. В., Пушкарёва Е. А.** Специфика информационного и коммуникационного развития образования: аналитика ценностных изменений до и после 2020 (критический обзор) // Science for Education Today. – 2021. – № 6. – С. 96–119. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2106.06>
7. **Мудрик А. В., Никитская Е. А.** Воспитание в контексте социализации человека: ретроспектива и педагогическая реальность // Образование. Наука. Научные кадры. – 2021. – № 2. – С. 224–230. DOI: <https://doi.org/10.24411/2073-3305-2021-2-224-230>. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46126369>
8. **Лаврентьева О. А., Скрыпникова Е. М., Дейч Б. А., Лаврентьева З. И.** Деятельность советника директора по воспитанию и взаимодействию с детскими общественными организациями: оценка ожиданий и потенциала совершенствования воспитательной работы с обучающимися // Science for Education Today. – 2023. – Т. 13, № 6. – С. 7–36. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2306.01>
9. **Савченков А. В., Уварина Н. В.** Определение содержания мотивационно-ценностного компонента готовности будущих педагогов к воспитательной деятельности // Science for Education Today. – 2021. – № 2. – С. 55–79. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2102.03>

10. **Лаврентьева З. И., Кохан Н. В., Мурзалимова А. Ж., Ромм Т. А.** Научно-методическое сопровождение подготовки классных руководителей в современной системе образования: оценка изменений и перспектив // *Science for Education Today*. – 2023. – № 4. – С. 77–99. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2304.04>
11. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (дата обращения: 09.01.2024)
12. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/ (дата обращения: 09.01.2024)
13. Указ Президента РФ от 21 июля 2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357927/ (дата обращения: 09.01.2024)
14. **Тен В. Х.** Цифровое искусство в формировании ценностей молодежи: исторические аспекты проблемы // *Культурно-антропологические исследования*. – 2023. – № 2. – С. 16–21.

REFERENCES

1. Gordeeva T. O., Gizhitsky V. V., Sychev O. A., Gavrichenkova T. K. Motivation of self-respect and respect by others as factors of academic achievements and persistence in educational activity. *Psychological Journal*, 2016, vol. 37 (2), pp. 57–68. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26002058> (In Russian)
2. Pushkarev Yu. V., Pushkareva E. A. Factors determining the development of cognitive abilities in the conditions of digitalization of educational processes: a review of current research. *Science for Education Today*, 2022, vol. 12, no. 6, pp. 111–136. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2206.05> (In Russian)
3. Fedina N. V., Dormidontov R. A., Eliseev V. K. Main trends and priorities in Russian and international studies on cognitive and non-cognitive predictors of academic success. *Science for Education Today*, 2022, vol. 12 (6), pp. 7–31. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2206.01> (In Russian)
4. Allphin M. A. Meta-analysis on non-cognitive predictors of college student academic performance. *Academic Advising Commons*, 2020, vol. 1090. URL: https://ideaexchange.uakron.edu/honors_research_projects/1090
5. Tavstukha O. G., Ganaeva E. A., Muratova A. A., Shavshaeva L. Y., Matvievskaia E. G. Ways of overcoming academic failures: A review article. *Science for Education Today*, 2022, vol. 12 (6), pp. 32–54. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2206.02> (In Russian)
6. Pushkarev Y. V., Pushkareva E. A. Specifics of information and communication developments in education: Analysis of value changes before and after 2020 (A critical review). *Science for Education Today*, 2021, vol. 11, no. 6, pp. 96–119. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2106.06> (In Russian)
7. Mudrik A. V., Nikitskaya E. A. Education in the context of human socialization: A retrospective of the problem and pedagogical reality. *Education. The Science. Scientific Personnel*, 2021, no. 2, pp. 224–230. DOI: <https://doi.org/10.24411/2073-3305-2021-2-224-230> URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46126369> (In Russian)
8. Lavrentieva O. A., Skrypnikova E. M., Deich B. A., Lavrentyeva Z. I. Head teacher's adviser for moral education and interaction with children's public organizations: evaluating expectations and potential for improving the quality of moral education in Russian secondary schools. *Science for Education Today*, 2023, vol. 13 (6), pp. 7–36. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2306.01> (In Russian)
9. Savchenkov A. V., Uvarina N. V. Motivational and value-based component of future teachers' readiness for moral education: Concept clarification. *Science for Education Today*, 2021, vol. 11, no. 2, pp. 55–79. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2102.03> (In Russian)

10. Lavrenteva Z. I., Kochan N. V., Murzalinova A. Z., Romm T. A. Scientific and methodological support for preparing classroom teachers in modern education system: Evaluation of changes and opportunities. *Science for Education Today*, 2023, vol. 13, no. 4, pp. 77–99. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2304.04> (In Russian)
11. Decree of the President of the Russian Federation dated 11/19/2022 No. 809 “On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values.” URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (accessed: 09.01.2024) (In Russian)
12. Decree of the President of the Russian Federation dated May 7, 2018 No. 204 “On National Goals and Strategic objectives of the Development of the Russian Federation for the period up to 2024”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/ (accessed: 09.01.2024) (In Russian)
13. Decree of the President of the Russian Federation dated July 21, 2020 No. 474 “On National Development Goals of the Russian Federation for the period up to 2030”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357927/ (accessed: 09.01.2024) (In Russian)
14. Ten V. H. Digital art in the formation of youth values: historical aspects of the problem. *Cultural and anthropological research Journal*, 2023, № 2, pp. 16–21. (In Russian)

Информация об авторе

Виталий Хончелович Тен, аспирант, специальность «Социальная и политическая философия», Институт истории, гуманитарного и социального образования, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, ten-vitalya@mail.ru

Information about the author

Vitaliy Honchelovich Ten, graduate student, specialty “Social and Political Philosophy”, Institute of History, Humanities and Social Education, teacher-researcher, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, ten-vitalya@mail.ru

Поступила 10.01.2024

Received 10.01.2024

Одобрена после рецензирования 12.02.2024

Approved after review 12.02.2024

Принята к публикации 20.02.2024

Accepted for publication 20.02.2024

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

PART III. CULTURAL HISTORY

Культурно-антропологические исследования. 2024. № 1

Culture and anthropology research journal. 2024. № 1

Научная статья

УДК 165.2

Китайская медицинская культура: культурно-исторический анализ

Вэй Сяо¹

¹Институт европейских языков и культуры, Чжэцзянский институт иностранных языков, г. Ханчжоу, Китай.

Аннотация. В рамках настоящего исследования был проведен культурно-исторический анализ, в котором китайская медицинская культура принята в качестве объекта исследования, а также описано ее системное развитие. В данной статье нами было доказано, что традиционная китайская медицина в Китае – это не только наука, которая помогает вылечить людей от болезней и спасти жизнь, но также имеет богатый культурный подтекст и философские идеи. В китайском языке существует большое количество фразеологизмов, связанных с традиционной китайской медициной, которые также являются важными проявлениями культурной системы традиционной китайской медицины.

Ключевые слова: китайская медицинская культура; китайская медицина; культурно-исторический анализ; китайская философия

Для цитирования: Вэй Сяо. Китайская медицинская культура: культурно-исторический анализ // Культурно-антропологические исследования. – 2024. – № 1. – С. 46–50.

Scientific article

Chinese medical culture: a cultural and historical analysis

Wei Xiao¹

¹School of European Languages and Cultures, Zhejiang International Studies University, Hangzhou, China

Abstract. This study has conducted a cultural-historical analysis, adopting Chinese medical culture as the object of study, and described its systematic development. In this paper, we have proved that traditional Chinese medicine in China is not only a science that helps to cure people of diseases and save lives, but also has rich cultural connotations and philosophical ideas. There are a large number of phraseological expressions related to traditional Chinese medicine in Chinese, which are also important manifestations of the cultural system of traditional Chinese medicine.

Keywords: Chinese medical culture; Chinese medicine; cultural-historical analysis; Chinese philosophy

For citation: Wei Xiao. Chinese medical culture: a cultural and historical analysis. Culture and anthropology research journal, 2024, no. 1, pp. 46–50.

Актуальность изучения культурно-исторического развития и становления китайской медицинской культуры в китайской культуре обуславливается ее важной ролью в жизни китайцев. Медицина развивалась на протяжении тысячелетий (особенно ее развитие ускорилося в последние десятилетия) и внесла большой вклад в обеспечение здоровья человека. Китай обладает обширным опытом в области врачевания, который позволяет обеспечить высокий уровень медицинского обслуживания людей в современном обществе, повысить продолжительность жизни и общее качество обеспечения медицинской помощи населению, что имеет стратегическое значение для развития и укрепления позиции страны на мировой арене, поскольку именно от здоровья нации зависит успешность и процветание государства.

По мнению Н. А. Хлыстовой, «медицинская культура как самостоятельная система включает предметный мир, процессуально-деятельностную составляющую, личностный элемент и память медицинской культуры» [4, с. 62]. Китайский ученый Цзан Цзялу полагает, что медицинской культурой являются разнообразные продукты, образуемые человеком в длительной медико-социальной практике; она является важной частью социальной культуры, включает всю субъективную информацию человека о медицине [5, с. 41].

Китайская медицина и китайская медицинская культура. Происхождение иероглифа 医 «медицина» до конца не ясно, но его этимология и эволюция отражают богатые элементы древней медицинской культуры. Будучи единственной медицинской категорией древнекитайской ханьской цивилизации, теоретической либо прикладной дисциплиной, в древности она обозначалась иероглифами 医/醫/醫. В данных иероглифах нет элемента 中, поэтому можно сказать, что, хотя древняя китайская медицина не имела названия 中医 («традиционная китайская медицина»), она соответствовала концептуальным представлениям о врачевании носителей китайской лингвокультуры [1, с. 221].

Китайская медицинская культура относится к культурному и социальному фону, на котором формируется теоретическая система традиционной китайской медицины, а также к содержащимся в ней гуманистическим ценностям и культурным особенностям. Это сияющая жемчужина в сокровищнице человеческой культуры. Китайская медицинская культура известна своими целостными идеями лечения, методами наблюдения за патологиями с разных сторон, уникальными и комплексными методами лечения. Это суть и квинтэссенция традиционной культуры.

Китайская медицинская культура развивается и растет под воздействием всей китайской культуры в широком ее понимании. Из материнской традиционной культуры она постоянно поглощает питательные вещества и накапливает глубокие культурные коннотации. Китайская медицинская культура представлена наследием знаменитого китайского врача Чжан Чжунцзина с его благородной профессиональной этикой, научными идеями дифференциации синдромов

и лечения, а также глубокой системой принципов, методов и рецептов. Он стал душой традиционной китайской медицины и имел значительное и далеко идущее влияние на развитие всей традиционной китайской медицины.

Китайская медицинская культура в китайском языке. В китайском языке существует большое количество фразеологизмов и поговорок о долге, профессионализме и моральном облике врача: *исцелять умирающих и облегчать страдания больных 救死扶伤; искусные руки возвращают весну* (обр. об искусном враче) *妙手回春; у доктора доброе сердце, как у родителей 医者父母心* [2]; *вывесить кувшин, чтобы спасти мир 悬壶济世*. В древнем Китае врач подвешивал кувшин над огнем, чтобы готовить (варить) лекарства традиционной китайской медицины, поэтому со временем выражение «вывесить кувшин» приобрело значение «лечить больных». Этот фразеологизм дает положительную оценку работе врача. В китайской ментальности врач – одна из самых благородных профессий. *Лекарство горькое, но эффективное при болезни 良药苦口利于病; Правдивые слова режут слух, но приносят пользу 忠言逆耳利于行* [3]. Китайские фразеологизмы включают единицы с положительной окраской, которые, как правило, связаны с личными качествами работников медицинской сферы, уровнем их профессионализма и отношением к пациенту.

Китайская медицинская культура и китайская философия. Китайская медицинская культура сформировала богатую философию традиционной китайской медицины, оказавшей определяющее влияние на традиционную китайскую культуру. Единство природы и человека является наиболее фундаментальной философской концепцией традиционной китайской медицины, определяющей основные ценности и направление развития традиционной китайской медицины. «Дао следует за природой» – это фундаментальная идея даосизма. Согласно Дао Дэ Цзин, Дао родилось раньше неба и земли. Его основные коннотации включают в себя следующее: Дао – это сущность, составляющая мир, движущая сила, создающая вселенную; законы движения всех вещей и законы поведения человека. Даосы верят, что Дао, имеющее высшее значение, имеет свой фундаментальный атрибут: ему не на что положиться, он действует независимо и начинается снова и снова. Это объясняет то, что все, что является порождением Дао, следует законам Дао и действует естественно и разумно.

Традиционная китайская медицина считает, что внутренние органы человека «связываются с небом и землей, помогают Инь и Ян и соединяют четыре времени года и трансформируются в пять суставов». Человеческие существа соответствуют изменениям инь и ян неба и земли, а также движению четырех времен года и имеют общий ритм. В книге Ши Шутана «Июань» династии Цинь есть «теория человеческого тела, такого маленького, как небо и земля», согласно которой «человеческие существа наделены ци инь и ян и пятью элементами, поэтому они рождены между небом и землей, и они повсюду находятся в гармонии с небом и землей. Человеческие существа больны, потому что инь и ян неба и земли не находятся в гармонии друг с другом. Поэтому, если вы хотите знать людей, необходимо познать небо и землю [7, с. 35]». Раскрывается кон-

цепция единства природы и человека в традиционной китайской медицине и соответствующие характеристики.

Традиционная китайская медицина в первую очередь выступает за сохранение здоровья. Самый важный закон природы в мире – это четыре сезона роста весной и летом, сбора урожая осенью и хранения зимой. Согласно теории Инь и Ян, весна и лето принадлежат Ян и являются сезонами, когда Ян ци растет и расцветает; осень и зима принадлежат Инь и являются сезонами, когда Ян ци временно уходит. Люди должны адаптироваться к этому: нужно питать Ян весной и летом, чтобы способствовать росту *Ян ци* изнутри, питать Инь осенью и зимой, чтобы сдерживать Ян ци и заложить основу для хорошего здоровья в наступающем году. Здоровье и долголетие человека, а также его болезни и продолжительность жизни зависят от того, соблюдает ли он законы Инь и Ян четырех времен года, которые связаны с ростом и смертью всего сущего. Даосы – это те, кто может соблюдать этот закон и защитить свою жизнь.

То же самое касается и лечения болезней: если соблюдать законы природы, то можно быстро достичь целебного эффекта гармонии Инь и Ян. Хотя причины, патогенез и симптомы в клинической практике сложны и изменчивы, в конечном итоге они будут отражаться в локальной или общей дисгармонии Инь и Ян, и лечение также должно быть посвящено этому.

«Трактат о лихорадочных болезнях», написанный Чжан Чжунцином во времена правления династии Восточная Хань, представляет собой выдающийся образец традиционной китайской медицины. В нем сформулированы подробные методы лечения. Распространенное явление самоизлечения болезней в жизни людей обусловлено тем, что «Трактат о лихорадочных заболеваниях» говорит: «Инь и Ян в гармонии, само излечится» [6, с. 103].

Заключение. Традиционная китайская медицина имеет тысячелетнюю историю, сформировала уникальную теоретическую систему и опыт клинической практики, внесла большой вклад в воспроизводство и развитие китайской нации, поэтому стала квинтэссенцией Китая и завоевала популярность во всем мире. Культурная теория традиционной китайской медицины берет свое начало от традиционной китайской культуры и обогащает ее. Таким образом, значение китайской медицинской культуры и ее вклад в общемировую врачебную практику трудно переоценить.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Вэй Сяо, Попкова Т. Д.** Становление и развитие концепта «медицина» в русской и китайской лингвокультурах // Вопросы истории. – 2022. – № 09. – С. 216–227.
2. ТСКЯС – Толковый словарь китайского языка Синьхуа [Электронный ресурс] / под ред. Вэй Цзяньгон. – URL: <http://zidian.aies.cn/?id=NTMx> (дата обращения: 22.12.2023).
3. ХКС–Ханьдянь Китайский словарь [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.zdic.net/c/1/110/296808.htm> (дата обращения: 25.01.2024).
4. **Хлыстова Н. А.** Феномен медицинской культуры // Бюллетень сибирской медицины. – 2008. – № 1. – С. 60–70.
5. **Цзан Цзялу.** Введение в медицинскую культуру. – Пекин, 2009.
6. **Чжан Чжунцин.** Трактат о лихорадочных болезнях. – Шанхай, 2004.

7. **Ши Шутан Июань.** – Пекин, 2012.

REFERENCES

1. Wei Xiao, Popkova T. D. The formation and development of the concept of «medicine» in Russian and Chinese linguistic cultures. *Questions of history*, 2022, no. 09, pp. 216–227. (In Russian)
2. TSKYAS – Explanatory dictionary of the Chinese language Xinhua / ed. Wei Jiangong. URL: <http://zidian.aies.cn/?id=NTMx> (accessed: 12.22.2023).
3. HKS–Handian Chinese Dictionary. URL: <http://www.zdic.net/c/1/110/296808.htm> (accessed: 01.25.2024).
4. Khlystova N. A. Phenomenon of medical culture. *Bulletin of Siberian medicine*, 2008, no. 1, pp. 60–70. (In Russian)
5. Tsang Jialu. Introduction to medical culture, Beijing, 2009.
6. Zhang Zhongjing. A treatise on febrile diseases, Shanghai, 2004.
7. Shi Shutang Yuan, Beijing, 2012.

Информация об авторе

Вэй Сяо, кандидат филологических наук, Институт европейских языков и культуры, Чжэцзянский институт иностранных языков, г. Ханчжоу, Китай, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-3524-9020>, grace-wei@yandex.ru

Information about the author

Wei Xiao, Candidate of Philology Sciences, School of European Languages and Cultures, Zhejiang International Studies University, Hangzhou, China, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-3524-9020>, grace-wei@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 21.01.2024

Одобрена после рецензирования 20.02.2024

Принята к публикации 26.02.2024

The article was submitted 21.01.2024

Approved after reviewing 20.02.2024

Accepted for publication 26.02.2024

РАЗДЕЛ IV. СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

PART IV. SOCIOLOGY OF CULTURE

Культурно-антропологические исследования. 2024. № 1

Culture and anthropology research journal. 2024. № 1

Научная статья

УДК 378+316

Идентификация посредством потребления / потребительства

Чапля Татьяна Витальевна¹

¹Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

Аннотация. Автором исследуется проблема идентификации/идентичности посредством потребления в современном обществе и особенности демонстративного потребления. Целью является анализ демонстративного потребления/потребительства в контексте идентичности/идентификации и его роль в развитии общества и культуры.

Методологическую базу составили 1) концепция принятия роли «Другого» Дж. Мида; 2) теория сходств и различия П. Бурдьё.

В ходе проведенного исследования автор дает определение демонстративного потребления, идентичности/идентификации, устанавливает связь между ними, выявляет различия между демонстративным потреблением в сословном обществе второй половины XIX века и современным, которое стало индикатором идентификации на уровне разного рода показателей: пола, возраста, профессии, религии и т. д.

В заключение автором обобщаются основные выявленные аспекты понятия «демонстративное потребление», его мотивы и особенности на протяжении от сословного общества к современному, основанному на более мягких способах различия.

Ключевые слова: потребление; потребительство; демонстративное потребление; идентичность; идентификация

Для цитирования: Чапля Т. В. Идентификация посредством потребления / потребительства // Культурно-антропологические исследования. – 2024. – № 1. – С. 51–59.

Scientific article

Identification through consumption / consumerism

Tatyana V. Chaplya¹

¹Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

Abstract. The author investigates the problem of identification/identity through consumption in modern society and the peculiarities of demonstrative consumption. The

aim is to analyze demonstrative consumption/consumption in the context of identity/identity and its role in the development of society and culture. The methodological basis was formed by 1) the concept of accepting the role of "Other" by J. Mead; 2) the theory of similarities and distinctions by P. Bourdieu. In the course of the research the author defines demonstrative consumption, identity/identification, establishes the connection between them, reveals the differences between demonstrative consumption in the class society of the second half of the XIX century and the modern one, where consumption has become an indicator of identification at the level of various indicators: gender, age, profession, religion, etc. In conclusion, the author summarizes the main identified aspects of the concept of "demonstrative consumption", its motives and peculiarities during the course from the class society to the modern one, based on softer ways of distinction.

Keywords: consumption; consumerism; demonstrative consumption; identity; identification

For citation: Chaplya T. V. Identification through consumption/consumerism. *Culture and anthropology research journal*, 2024, no. 1, pp. 51–59.

Введение. Существование человека и его сообществ означает установление определенного типа взаимоотношений между различными уровнями субъектов: я – другой, я – другие, группа – группа и т. п. Одним из способов проведения различий или границ является процесс потребления. Именно через потребление примерно со второй половины XIX века стало возможным устанавливать иерархические связи внутри общества, с одной стороны, и использовать возможности их преодоления – с другой.

Эпоха буржуазных революций, разрушившая существовавшие веками словесные перегородки и породившая мнимое ощущение равенства всех перед всеми, так или иначе запустила процесс изобретения новых, более мягких способов разделения людей и их коллективов, которые со временем приобрели довольно устойчивый характер. Несмотря на видимую подвижность социальных границ, они тем не менее выполняют свою главную функцию: различения и соединения, вопрос касается только длительности их существования и способов преодоления при переходе от одной страты к другой. Культура не существует в однородном обществе, она всегда изобретает приемы и способы размещения людей в пространстве не только физическом, но и символическом, закрепляя положение внутри сообщества относительно других людей, и относительно внешних границ взаимодействия с представителями других культур. Поэтому время переломных, кризисных моментов выводит на первый план работу культуры по созданию новых механизмов самоопределения субъекта в новых условиях существования, работу по определению положения субъекта в системе взаимодействия с другими людьми. Одним из способов такого ранжирования и смыслообразования может выступать процесс потребления, ставший для многих смыслом и способом жизни, особенно во второй половине XX века.

Понятие «потребление» стало предметом изучения множества наук: экономики, с точки зрения производства, потребления и утилизации товаров (О. С. Посыпанова, Н. З. Губнелова); маркетинга в ракурсе продвижения товара, увеличения спроса, его формирования и регулирования (К. Канаян, Р. Канаян,

А. Канаян); психологии, изучающей особенности поведения личности в процессе потребления, мотивов выбора и применения товаров; социологии, сделавшей центром внимания мотивы потребления, поиска своего места через приобретение того или товара, бренда и т.п. (Ж. Бодрийяр, И. В. Печкуров. О. Г. Ечевская, К. А. Архангельская, Л. А. Закс и др.).

В культурно-социологических исследованиях процесс потребления нередко становится предметом исследования в контексте формирования определенной идентичности. Так, выделяют экономическую идентичность, которая подразумевает «отношения гармонии между потребностями индивида и степенью их удовлетворения в рамках существующей социальной среды и позволяет выстроить успешную модель экономического поведения...» [1, с. 76].

Т. Н. Сидорова предлагает различать потребительскую идентичность, выступающую частью социальной идентичности и являющуюся результатом социализации. Она имеет множество показателей: пол, возраст, профессию, этническую, религиозную принадлежность и т. д. В этом контексте потребительская идентичность представляет собой «процесс активного выбора своего членства в определенной потребительской группе, в соответствии с которым индивид проявляет определенный способ потребительского поведения» [2, с. 40].

О потреблении как способе собирания символического текста, адресованного другим и служащего языком коммуникации с другими, пишет А. А. Желнина: «Совершая покупки, потребитель “собирает” текст, который будет определенным образом считан окружающими» [3, с. 76].

Проводя анализ формирования общества потребления, его эволюции, В. И. Ильин [4] утверждает, что в современности произошло смещение с потребления как способа выживания к потреблению как способу социальной идентификации, средству вписывания себя в определенные социальные группы и общество в целом.

Целью статьи является анализ демонстративного потребления/потребительства в контексте идентичности/идентификации и определение его роли в развитии общества и культуры.

Методология. Методологическую базу составили: 1) концепция принятия роли «Другого» Дж. Мида, позволяющая увидеть механизмы и способы формирования и принятия идентичности субъектом; 2) теория сходств и различия П. Бурдьё, исследующая причины того, как люди (акторы) ведут себя в социальном пространстве, и мотивы, которыми они руководствуются, а также результат этого процесса – габитус, как комплексное поведение, выражающееся в определенном стиле жизни и поведении.

Результаты. Жизнь человека как биологического и социального существа невозможна без двух составляющих: удовлетворения витальных потребностей, обеспечивающих функционирование субъекта как живого организма, и удовлетворения потребностей во взаимодействии и жизни с другими людьми, как организма социального. Поэтому говоря об определении потребности, следует говорить о ней в комплексе, как о «процессе воспроизводства человека как

социализированного субъекта, носителя социокультурного кода соответствующего общества и его ценностно-нормативного сознания» [5, с. 12].

В современной литературе сегодня можно также встретить два термина: «потребительство» и «перепотребление». Появление данного феномена обычно связывают с возникновением общества потребления (Ж. Бодрийяр, А. Н. Ильин, М. С. Николаев, И. Ф. Понизовкина), когда потребление становится смыслом и способом жизни, а «логика потребления строится в основном не на извлечении из вещи пользы, удовлетворении потребностей, а на знаковой стоимости товара, сводящейся к демонстрации места в дифференцирующей системе престижа» [6, с. 51].

Говорить о феномене потребительства, на наш взгляд, уместно в любую историческую эпоху, когда возникает стремление к демонстрации роскоши, но повсеместное распространение он получил, конечно, в период Нового времени. Изначально он касался высших сословий общества и имел закрепление в виде «статусной почести» (М. Вебер). Сословная стратификация была направлена также и на обеспечение доступности определенных товаров и возможностей, что формировало сословные границы, проводило не только социальную черту, но и материальную, закрепляющую определенный образ жизни того или иного сословия. В итоге задается и стиль общения, круг лиц, с которыми «прилично» иметь отношения, вступать в брак и т. п., а также складывается, закрепляется и поддерживается стиль поведения. В результате и возникает теория демонстративного потребления (термин введен Т. Б. Вебленом), направленного на других, с целью показать, кто ты есть и какой образ жизни ведешь: «...демонстративное расточительство... Его мотив – это желание действовать сообразно с установившейся практикой, стремление избежать неблагоприятного внимания и толков и жить на уровне общепринятых канонов благопристойности как по виду, количеству и сорту потребляемых товаров, так и по пристойному употреблению своего времени и сил. В обычных случаях в мотивах потребителя присутствует это ощущение предписываемого обычая и оказывает прямое принудительное давление, особенно в стиле потребления, осуществляемого на глазах у наблюдателей» [7, с. 185].

Таким образом, уже сословный строй на уровне потребления предметов роскоши стал инструментом ранжирования общества и способом выражения идентичности и идентификации. Феномен идентичности стал центром научных исследований с 40-х годов XX века. В психологии изучение идентичности началось с 20-х годов XX века и связано с именами З. Фрейда, Э. Фромма, Э. Эриксона. Социологи внесли наибольший вклад в изучение феноменов идентичности и идентификации благодаря работам Дж. Мида, который предложил различать две подсистемы идентичности: «... первая есть результат интернализации социальных ролей и ожиданий, вторая – активная инстанция, благодаря которой индивид может не только идентифицироваться с интернализированными ролями, но и дистанцироваться от них» [8, с. 172]. Наиболее значимой характеристикой идентичности является осознание субъектом своей принадлежности к определенной группе, что, по мнению С. Хантингтона, и есть: «самосознание

индивида или группы» [9, с. 50]. В рамках данного подхода субъект дает себе ответы на два важных вопроса: кем я являюсь и кем я не являюсь? Тем самым очерчивает круг «своих» и «чужих», осознает референтную группу, чьи потребности и интересы становятся для него ориентиром по жизни, и группу, от которой ему следует отмежеваться.

Сегодня принято различать термины «идентичность» и «идентификация» по принципу: одно есть результат другого. То есть процесс осознания, принятия и стремления к подтверждению определенного положения в социуме есть идентификация, а процесс действия по определенной социальной роли, демонстрации определенного поведения и образа жизни – идентичность, то есть то, что уже не просто усвоено, но и стало частью личности.

Соответственно для сословной эпохи в истории характерно обретение уже предложенной идентичности, полученной по праву рождения. И весь период жизни каждый представитель сословия должен был ее поддерживать и демонстрировать своим поведением, приобретением определенных товаров и вещей, образом жизни. Доказательством этого может служить тот факт, что в царской России «считалось, что, появляясь в дорогой одежде, женщина демонстрирует, что она не занята ни в одной форме производительного труда и что у ее мужа достаточно денег, чтобы содержать ее по последнему слову моды» [10, с. 116].

С переходом к эпохе буржуазных революций и слома сословных перегородок социальная жизнь начала усложняться и в первое время представляла собой определенный хаос в отношениях, пока культура вырабатывала новые приемы и способы закрепления и демонстрации места человека в обществе. Каждой страте предстояло создать свои символы и отличительные знаки, позволяющие провести границы и показать свои особенности относительно других, то есть выработать механизмы идентификации, позволяющие отличать «своих» от «чужих». Примеры того, как это происходило, можно увидеть в художественной литературе, произведениях Э. Золя и Ги де Мопассана. Так, главный герой романа Ги де Мопассана «Милый друг» Жорж Дюруа, делавший карьеру в Париже, получает совет от своей знакомой Форестье о том, что необходимо купить, чтобы преуспеть:

«– У тебя нет фрака? Вот тебе раз! А без этого, брат, не обойдешься. В Париже, к твоему сведению, лучше не иметь кровати, чем фрака» [11, с. 14].

Приведенный пример наглядно подтверждает формирование демонстративного потребления, рассчитанного на показ себя в определенной социальной роли, своего социального статуса, который открывает двери во многие дома и ко многим должностям. В итоге формируется правило, лежащее в основе демонстрации себя другим: «быть тем, кем я хочу быть», хотя для этого может не быть условий и возможностей, и поэтому человек вынужден отказывать себе в каких-то важных потребностях (иногда голодать) только для того, чтобы показать и доказать другим, что он такой же как они. Процесс потребления приобретает не свойственные ему изначально характеристики: он становится средством утверждения социально веского положения в мире, знаком принадлежности к элите.

Здесь же можно выявить и еще одну тенденцию, ставшую нормой в XX веке, речь идет о смене статуса потребляемых вещей. В данном случае – фрак, который из предмета одежды превращается в символ принадлежности к высшему свету. То есть вещи приобретают, помимо материального, еще и символический статус в нашей жизни, «они могут функционировать как заборы или как мосты» [12, с. 170]. Фрак становится пропуском в высший свет, без которого закрываются все двери наверх, позволяет идентифицироваться с желаемой социальной группой.

В произведениях Э. Золя можно встретить описание того, как простые люди благодаря своему труду или умению играть на бирже могли сколотить себе значительное состояние. И первое, что они стремились сделать, – это показать остальным, чего они достигли: от организации еженедельных званых обедов с обязательным угощением мясным блюдом до покупки дорогих особняков и произведений искусства, с приглашением родовитых аристократов, которые были согласны на посещение их домов только как галерей с демонстрацией произведений искусства.

Первыми, кто начинает активно участвовать в процессе потребления как демонстрации себя, конечно же, были дамы. Сам факт того, что даме, чтобы быть одетой, необходимо было иметь несколько гардеробов и неоднократно переодеваться в течение дня, предполагал приобретение большого количества товаров и, желательно, по последней моде, а посещение магазина превращалось в особый ритуал. «Важной частью ритуала было “увидеть и быть увиденной” в модных местах. Богатые дамы, сделав покупки, прогуливались, обменивались новостями и заодно демонстрировали блеск своих нарядов» [10, с. 115].

Дальнейшее развитие общества по пути демократизации и равенства в правах, а также развитие массового производства способствовали унификации всех процессов как на уровне потребления, так и на уровне формирования потребностей. Такого рода формой стирания границ и формирования некоего представления о том, что ты хочешь, что ты думаешь о мире, стали современные витрины магазинов. По замечанию Ж. Бодрийяра, именно витрины заставляют нас всех смотреть в одном направлении, расшифровывать одни и те же знаки, а через них считывать тот порядок, который установлен на уровне потребления. А это является следствием потери субъектом своего автономного статуса, он теперь обезличен и превратился в точку пересечения множества отношений. Мы живем в обществе, «где нет, ...ни субъекта, индивидуализированного в своей “свободе”, ни “Других”..., а есть общее “окружение”, где относительные границы обретают весь свой смысл в силу их дифференциальной подвижности» [13, с. 107]. Такого рода подвижность не способствует тому, чтобы субъект ставил себя в ответственную позицию, он видит себя в том, чтобы найти каждый раз «попутчиков», поддержку в определенных взглядах, определенных отношениях и т. п. Если сословная структура в полной мере работала на то, чтобы провести границу, черту, то массовое потребление, напротив, их пытается убрать или сделать менее видимыми, относительными.

Возможность выбора «кем я сегодня буду» или «с кем я сегодня» в рамках демонстративного потребления отражает и мотивы, которые движут потребителем: 1) подтверждение того положения, которое занимает личность (приобретение одежды, аксессуаров в определенном магазине, определенных брендов и т. п.); 2) попытка ввести в заблуждение относительно своего статуса, когда предметы покупаются в ущерб другим своим нуждам (на помощь здесь приходит система кредитования); 3) средство избегания конфликта, когда субъект приобретает то, что должно, а не то, что хочется.

В этой ситуации уместно вновь сказать о том, что в системе потребления наибольшую значимость приобретает не сам предмет, а те коннотации, которые ему присваиваются и потребляются людьми. И идентификационные процессы идут именно в этом русле. Субъект осуществляет сегодня свой выбор в пользу той или иной социальной группы, исходя из множества разных факторов: пола, возраста, дохода, профессии, интересов, религии и т. п. В условиях массовой культуры потребления действует правило: Я есть то, что я потребляю! Поэтому важен скорее процесс, а не результат, важно казаться, а не быть. Свобода потребителя проявляется в выборе той социальной роли, которую он наметил для себя в качестве идеала в конкретной ситуации. Так, героиня серии книг о Шопоголике Софи Кенселла Ребекка Блумвуд, отправляясь на конференцию, покупает газету «Файнэншиал таймс», объясняя свои действия следующим образом: «Во-первых, она красивого цвета. Во-вторых, стоит всего 85 центов. В-третьих, если войти в комнату, держа под мышкой «Файнэншиал таймс», все сразу начинают относиться к тебе чрезвычайно серьезно. С «Файнэншиал таймс» в руках можно нести какую угодно ерунду, и никто не подумает, что ты легкомысленная дурочка. Напротив, все сочтут тебя настоящей интеллектуалкой с широким кругозором» [14, с. 12].

Идентификация с определенной профессиональной группой посредством потребления продолжается и на уровне подбора своего окружения, того, кого можно назвать близким другом. Так, после покупки шарфика от «Денни и Джордж» та же Ребекка Блумвуд объясняет, почему она выбрала в качестве соседки по съемной квартире Сьюзи, а не Джулию: «Я переступаю порог нашей квартиры. Сьюзи поднимает на меня глаза и ахает:

– “Денни и Джордж”! Бекки, не может быть!

– Может, – расплываюсь я в улыбке от уха до уха. – Я купила себе шарфик. Она вскакивает с дивана и бежит ко мне.

– Покажи! Покажи! – покажи – покажи! – И дергает за ручки сумки.

Вот почему мне так нравится жить в одной квартире со Сьюзи. Джулия, моя прежняя соседка, сейчас бы сморщила лоб и переспросила. “Денни и кто?”. Или еще хуже, заметила бы “Дороговато для шарфика”.

Но Сьюзи меня целиком и полностью понимает. Скажу вам откровенно, она еще большая транжира, чем я» [14, с. 26].

То есть тот факт, что Сьюзи так же много тратит на покупки, разбирается в брендах, позволяет Бекки обрести свою идентичность и оправдать свое непомерное увлечение шопингом, Сьюзи для нее – «свой человек».

Заключение. В результате проведенного исследования можно констатировать, что развитие общества по пути демократизации отношений и связей можно анализировать с позиций развития демонстративного потребления, рассчитанного на внешнее создание определенного образа себя по отношению к другим. Именно процесс потребления с конца XIX века стал средством идентификации и обретения идентичности, когда через приобретаемые товары и услуги субъект может одновременно проводить границы и стирать их в системе социальной иерархии и взаимоотношений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Губнелова Н. З.** Идентификация как социально-экономический механизм регуляции потребительского поведения в регионе // Крымский научный вестник. – 2015. – № 6. – С. 68–80.
2. **Сидорова Т. Н.** Потребительская идентичность как трансформация социальной идентичности // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. – Серия: Педагогика. Психология. Философия. – 2016. – № 4 (04). – С. 38–44.
3. **Желнина А. А.** Социокультурное значение пространств потребления в постсоветском городе (на примере торговых центров Санкт-Петербурга) // Вестник СПбГУ. Серия 12. – 2010. – Вып. 1. – С. 330–337.
4. **Ильин В. И.** Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность // Мир России. – 2009. – № 2. – С. 3–40.
5. **Щавель С. А.** Синдром потребительства и стиль жизни // Социологический альманах. – 2019. – № 10. – С. 8–21.
6. **Ильин А. Н.** Общество потребления и потребительская инфраструктура // Человек в мире культуры. – 2016. – № 1. – С. 48–58.
7. **Веблен Т. Б.** Теория праздного класса. – М.: Прогресс, 1984. – 367 с.
8. **Пятецкий Л. Л.** Идентичность в мировой социологии // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 7. Философия. – 2009. – № 2 (10). – С. 172–176.
9. **Хантингтон С.** Кто мы? Вызовы американской идентичности. – М.: Издательство АСТ: Транзиткнига, 2004. – 635 с.
10. **Рьюен К.** Покупка одежды в Царской России: развитие культуры потребления // Социальные и гуманитарные науки. – 1996. – № 3. – С. 111–116.
11. **Мопассан Ги де** Полное собрание сочинений: в 12 т. Т. 5: Милый друг. – М.: Правда, 1958. – 495 с.
12. **Свендсен Л.** Философия моды. – М.: Прогресс-Традиция, 2007. – 256 с.
13. **Бодрийяр Ж.** Общество потребления. Его мифы и структуры. – М.: Республика. Красная революция, 2006. – 269 с.
14. **Кинселла С.** Тайный мир шопполика. – М.: Эксмо, 2009. – 409 с.

REFERENCES

1. Gubnelova N. Z. Identification as a socio-economic mechanism for regulating consumer behavior in the region. *Crimean Scientific Bulletin*, 2015, no. 6, pp. 68–80. (In Russian)
2. Sidorova T. N. Consumer identity as a transformation of social identity. *Bulletin of the Northeastern Federal University named after M. K. Ammosov, Series: Pedagogy. Psychology. Philosophy*, 2016, no. 4 (04), pp. 38–44. (In Russian)
3. Zhelnina A. A. Socio-cultural significance of consumption spaces in a post-Soviet city (on the example of shopping malls in St. Petersburg). *Bulletin of St. Petersburg State University. Series 12*, 2010, Issue 1, pp. 330–337. (In Russian)
4. Ilyin V. I. Consumer society: a theoretical model and Russian reality. *Mir Rossii*, 2009, no. 2, pp. 3–40. (In Russian)

5. Sorrel S. A. The syndrome of consumerism and lifestyle. *Sociological almanac*, 2019, no. 10, pp. 8–21. (In Russian)
6. Ilyin A. N. Consumer society and consumer infrastructure. *Man in the world of culture*, 2016, no. 1, pp. 48–58. (In Russian)
7. Veblen T. B. *Theory of the leisure class*. Moscow: Progress, 1984, 367 p. (In Russian)
8. Pyatetsky L. L. Identity in world sociology. *Bulletin of the Volgograd State University, Series 7. Philosophy*, 2009, no. 2 (10), pp. 172–176. (In Russian)
9. Huntington S. Who are we? Challenges of American identity. Moscow: AST Publishing House, Transitkniga, 2004, 635 p. (In Russian)
10. Ryuen K. Buying clothes in Tsarist Russia: the development of a culture of consumption. *Social sciences and humanities*, 1996, no. 3, pp. 111–116. (In Russian)
11. Maupassant Guy de Complete works in 12 volumes. Vol. 5: Dear friend. Moscow: Pravda, 1958, 495 p. (In Russian)
12. Svendsen L. *Philosophy of fashion*. Moscow: Progress-Tradition, 2007, 256 p. (In Russian)
13. Baudrillard J. *Consumer society. His myths and structures*. Moscow: Republic. The Red Revolution, 2006, 269 p. (In Russian)
14. Kinsella Sophie *The Secret world of a shopaholic*. Moscow: Eksmo, 2009, 409 p. (In Russian)

Информация об авторе

Чапля Т. В., доктор культурологии, профессор, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, chap_70@mail.ru, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-9712-7478>

Information about the author

Tatyana V. Chaplya, Doctor of Culturology, Professor, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, chap_70@mail.ru, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-9712-7478>

Статья поступила в редакцию 10.01.2024
Одобрена после рецензирования 20.02.2024
Принята к публикации 26.02.2024

The article was submitted 10.01.2024
Approved after reviewing 20.02.2024
Accepted for publication 26.02.2024

Научная статья
УДК 316.77

Влияние цифровых трансформаций на социальный капитал

Поддячая Екатерина Александровна¹

¹Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Россия

Аннотация. Автором исследуется проблема трансформационных изменений, которые происходят с социальным капиталом в современных условиях повсеместной цифровизации социальной коммуникации. Цель статьи – провести анализ свойств социального капитала, которые формируются в условиях цифровизации. Задачи статьи – определить, насколько обосновано выделять цифровой социальный капитал как самостоятельную научную концепцию, а также проанализировать позицию ученых по тому, как соотносятся социальный капитал в онлайн- и офлайн-средах. Для достижения поставленной цели автором применяются методы анализа и обобщения современных исследований по проблеме формирования социального капитала в цифровой среде. На основе обобщения данных источников выявляется содержание понятия «цифровой социальный капитал», описаны его основные отличительные характеристики на уровне структуры, процессов формирования и видов. Автором отмечается, что социальный капитал в онлайн-пространстве в редких случаях является автономным по отношению к социальному офлайн-капиталу, а чаще соотносится с ним как медиатизированный, дополняющий. В заключение автором обобщаются специфичные для цифрового социального капитала свойства.

Ключевые слова: социальный капитал; цифровой социальный капитал; трансформация; Интернет; сайты социальных сетей

Для цитирования: Поддячая Е. А. Влияние цифровых трансформаций на социальный капитал // Культурно-антропологические исследования. – 2024. – № 1. – С. 60–66.

Scientific article

The digital transformation impact on social capital

Ekaterina A. Poddyachaya¹

¹Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia

Abstract. The author investigates the problem of transformational changes that occur with social capital in modern conditions of ubiquitous digitalization of social communication. The aim of the article is to analyze properties of social capital that are formed in the conditions of digitalization. The objectives of the article are to determine whether it is reasonable to distinguish digital social capital as an independent scientific concept, and to analyze the position of scholars on how social capital in online and offline environments relate to each other. To achieve the set goal, the author uses methods of analysis and generalization of modern researches on the problem of social capital forma-

tion in the digital environment. On the basis of the generalization of these sources, the author identifies the content of the concept of “digital social capital”, describes its main distinguishing characteristics at the level of structure, formation processes and types. The author notes that social capital in the online space is rarely autonomous in relation to offline social capital, but more often relates to it as mediatized, complementary and existing in an “accessible” form (accessed social capital). In conclusion, the author summarizes properties specific to digital social capital.

Keywords: social capital; digital social capital; transformation; Internet; social network sites

For citation: Poddyachaya E. A. The digital transformation impact on social capital. *Culture and anthropology research journal*, 2024, no. 1, pp. 60–66.

Введение. В центре внимания настоящего исследования – проблема обоснованности выделения цифрового социального капитала как самостоятельного научного концепта. Когда из технического средства коммуникации Интернет преобразовывался в полноценную социотехническую систему, встроенную в культуру и общество, виртуальный социальный капитал как объект изучения стал востребован среди ученых разных научных отраслей. В западной исследовательской практике к теме социального капитала в Интернете прикован интерес нового научного направления – «Digital Studies» (цифровые исследования) или «Internet Studies» (исследования Интернета) – направления на стыке программирования, математического моделирования, науки о больших данных, социологии, психологии и экономики, объединенного общим предметом исследования – Интернетом. Междисциплинарный интерес, с одной стороны, и меняющиеся технологии функционирования Интернета, с другой, не позволяют поставить точку в понимании, насколько цифровой социальный капитал обособился и стал представлять собой самостоятельную научную концепцию.

Методология. В работе использованы методы анализа философской, социологической литературы, относящейся к исследуемой проблеме социального капитала в цифровой среде.

Прежде всего, применительно к понятию социального капитала, функционирующего в цифровой среде, необходимо достичь терминологической определенности, что требует, в свою очередь, анализа различных смежных до степени смешения терминов.

В современной научной литературе по социологии, философии, культурологии и экономике встречается несколько терминов, схожих по значению: «виртуальный социальный капитал», «цифровой социальный капитал», «онлайн социальный капитал». Уже на уровне дискриптивной составляющей можно сделать выводы о различиях этих терминов, хотя в обобщенном виде все они касаются социального капитала, который формируется в цифровой среде и принадлежит интернет-пользователям. Следует отметить, что формулировки «онлайн», «цифровой» и «виртуальный» в определении социального капитала, функционирующего в интернет-среде, не стоит воспринимать буквально, как действующего в режиме реального времени, «преобразованного из аналоговой формы представления в дискретную» [1, с. 50], «атрибутивного свойства раз-

личных воображаемых и основанных на фантастическом отражении реальной жизни явлений» [2, с. 54]. Терминологические вариации в данной работе будут рассматриваться как избыточные, необходимые для противопоставления офлайн-пространству.

Результаты. Цифровое онлайн-пространство функционирования социального капитала характеризуют как «многомерное, трансформируемое, разноректорное, смоделированное, нелинейное, организованное искусственными средствами, изменчивое и относительно самостоятельное информационное пространство..., которое выступает как продолжение и альтернатива объективного мира, рефлексивируется субъектом с разной степенью подлинности, достоверности» [3, с. 142]. Цифровое социальное пространство в настоящее время формируется интернет-площадками (сайтами социальных сетей, форумами, репозиториями, хостингами) и сервисами (мессенджерами, почтовыми службами, пространствами многопользовательских игр), на которых интернет-пользователи могут в разных формах взаимодействовать и каким-либо образом фиксировать свое присутствие. На этих цифровых площадках формируется «набор характеристик социальной сети, созданный в результате деятельности виртуального сообщества, который приводит к развитию общих социальных норм и правил, содействующих взаимовыгодному сотрудничеству» [4].

Из глобальной научной дискуссии об автономности виртуального социального пространства по отношению к реальному произрастает дискуссия об автономности социального капитала в этих двух пространствах [5]. В первом подходе исследователи цифрового социального капитала считают, что интернет-среда является лишь каналом коммуникации и не добавляет никаких свойств социальному капиталу. Во втором подходе считается, что в Интернете и отдельных интернет-площадках и сервисах формируется уникальный и независимый от офлайн-среды социальный капитал. Аргументы в пользу последнего подхода чаще сводятся к тому, что есть социальные связи, не обладающие аналогами и недоступные для переноса в офлайн-пространство. Представители этого подхода (Р. В. Леушкин [6], К. Фоше [7]) приводят в пример многопользовательские сетевые игры и виртуальные миры MMORPG (англ. *massive multiplayer online roleplay games*), когда игроки могут формировать мультиличность, индивидуальный цифровой социальный капитал, а социальные связи и групповые нормы поведения не могут быть перенесены за рамки игры.

Трансформацию социального капитала обеспечивают свойства Интернета, где он функционирует. Интернет рассматривают как информационное пространство без территориальных ограничений, сложный социокультурный феномен, многомерное средство массовой коммуникации, информационно-коммуникативная медиасреда [8]. Технологические свойства Интернета решили проблему «неуловимости», «неоформленного характера» социального капитала, о которых упоминал П. Бурдьё [9]. При том, что для интернет-пользователей и целых сообществ характерна неопределенность пространственно-временной локализации, все их характеристики и действия могут быть зафиксированы и проанализированы. Динамика виртуальной со-

циальной коммуникации сопоставима с устным взаимодействием (мгновенная передача информации), при длине связи, сравнимой с печатными средствами (практически неограниченны по удаленности связи). Все изменения теперь происходят молниеносно, при этом каждое зафиксировано и сохраняется. Вопрос времени важен лишь в контексте частоты обращения индивида к Интернету, а остальные факторы, отнимающие время, сведены к минимуму.

Виртуальный социальный капитал по отношению к традиционному можно охарактеризовать как медиатизированный [10], дополненный [11], многомерный и более зависимый от информации. Идея о дополненном характере социального капитала в Интернете связана с тем, что тактовым считают то социальное интернет-пространство, в котором функционирует социальный капитал. М. Кастельс из-за тесной связи виртуальных и реальных пространств характеризует социальное пространство в Интернете как «... гибридный мир, реальный мир; не виртуальный или изолированный мир» [12, с. 223]. В. И. Игнатьев и С. А. Кузьмин считают, что интеракции в Интернете если и не являются особым (отдельным) социальным пространством, то образуют дополнительные сетевые структуры устойчивых социальных практик – «дополненное» социальное пространство [11].

Из-за медиатизации процессов передачи информации и коммуникации объекты реального мира в Интернете теряют вещественность, превращаются в набор описательных данных и трансформируются в символы и симулякры: человек становится набором характеристик (аватар, регистрационные данные, id, ip). Медиатизация позволяет активизировать в любое время множество связей разной силы для формирования социального капитала, что было бы затруднительно вне пространства Интернета.

Интернет-пространство состоит из множества плоскостей (например, сайтов социальных сетей), которые никогда не будут идентичны по своей социальной структуре даже при схожем составе интернет-пользователей. Различия будут детерминированы отличающимся функционалом, принципами поведения участников и другими факторами. Кроме этого, технические возможности отдельных интернет-сервисов позволяют в рамках одного сайта одному интернет-пользователю использовать разные формы самопрезентации или даже регистрировать несколько аккаунтов. При таких условиях виртуальный социальный капитал стал многомерным. Виртуальный социальный капитал не сводится к сумме социальных капиталов на всех интернет-сервисах из-за разных стратегий самопрезентации и целей присутствия индивида, разных объемов и составов личных социальных сетей.

Информационное пространство Интернета неоднородно, поэтому возможность доступа к тем или иным коммуникационным каналам и информации играет важную роль в формировании стратификационных вертикалей социального пространства и доступе к ресурсам социального капитала. При всех описанных ранее свойствах Интернета, влияющих на характеристики социального капитала, в онлайн-пространстве сохраняется социальное неравенство.

Основанием для социальной стратификации становится доступ к информации и коммуникационным сервисам.

Следуя идеям М. Грановеттера, можно выделить два направления социальной активности в Интернете. Во-первых, Интернет может использоваться для сохранения или укрепления существующих социальных связей (инвестиции в прочные связи). Человек обращается к возможностям сильных связей по аналогии с немедиатизированными связями [10]. Особенностью сильных связей является то, что для их измерения добавляется еще одна характеристика, помимо силы эмоциональной привязанности, частоты взаимодействия и продолжительности коммуникаций. Дополнительное объяснение силе связи проявляется в связи с теорией мультиплектности медиа. Человек может воспроизводить одни и те же связи с наиболее важными для него людьми сразу на нескольких интернет-площадках.

Кроме этого, цифровую среду можно использовать для поддержания связей со знакомыми или создания новых связей с виртуальными знакомыми (инвестиции в слабые связи). Сам Интернет называют пространством слабых связей с потенциалом для их бесконечного расширения. С развитием цифровой среды стало возможно настолько минимизировать силу связи, чтобы практически без взаимности, эмоциональной привязанности, активных действий и при практически нулевой частоте контактов поддерживать отношения, что может говорить о появлении еще одного вида социальных связей, которым нет аналога в офлайн-мире, – скрытых (латентных). С. Хейтхорнтуэйт характеризует латентные связи как «соединения, доступные технически, даже если они еще не активированы в социальном плане» [13]. Такое возможно на сайтах социальных сетей, где формируется ненаправленная сеть, знакомства могут быть невзаимными. Вовлечение в сообщество идет в процессе чтения публикаций и комментариев.

Н. Б. Эллисон с соавторами предложила наравне с социальным капиталом открытого и закрытого типа выделить еще один тип, который свойственен социальному капиталу в Интернете, благодаря которому у людей появилась возможность поддерживать ценные связи несмотря на жизненные изменения [14]. Данный тип социального капитала в Интернете получил название «поддерживающий социальный капитал». Поддерживающий социальный капитал создается, когда индивиды поддерживают связи со своими социальными сетями, развиваясь в процессе изменений жизненных обстоятельств (переезда по семейным, карьерным, образовательным причинам). Описывая данный тип социального капитала через характеристики социальных связей, он представляет из себя сильные связи, которые со временем и происходящими в жизни людей изменениями понемногу ослабевают, но не сходят полностью на нет.

Заключение. Влияние цифровых трансформаций на социальный капитал признается учеными, но механизмы и детали пока остаются мало исследованными. Благодаря Интернету, как наиболее распространенной цифровой технологии, появились новые виды социального капитала, специфичные только для цифровой среды, и пространства его функционирования (web-пространство,

сайты социальных сетей, мессенджеры, электронная почта, сетевые игры). Это обосновывает выделение цифрового социального капитала в самостоятельную научную концепцию. Однако для его изучения предлагается сохранять, использовать и расширять уже накопленный опыт изучения социального капитала в офлайн-среде, так как многие параметры у этих явлений совпадают (виды, элементы). Социальный капитал в цифровой среде трансформировался и отличается от социального капитала в офлайн-среде многоуровневостью структуры, динамичностью процессов, усилением роли информации как важного ресурса для процесса формирования социального капитала.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Стариченко Б. Е.** Цифровизация образования: иллюзии и ожидания // Педагогическое образование в России. – 2020. – № 3. – С. 49–58.
2. **Мальчѐнков И. Е.** Виртуальная реальность сети Интернет: социологический аспект // Философия и социальные науки. – 2014. – № 1. – С. 53–57.
3. **Моисеева А. П., Мазурина О. А., Перепелкин О. А.** Виртуализация как трансформация и социальная коммуникация // Известия Томского политехнического университета. – 2010. – Т. 316, № 6. – С. 141–146.
4. **Rafaeli S.** De-lurking in virtual communities: A social communication network approach to measuring the effects of social and cultural capital [Электронный ресурс] – URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.145.5045&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 22.06.2022).
5. **Vergeer M., Lim Y. S., Park H. W.** Mediated relations: new methods to study online social capital // Asian Journal of Communication. – 2011. – № 5 (21). – P. 430–449.
6. **Леушкин Р. В.** Структура виртуального социального пространства. Коммуникации, конструкции, капитал. – Ульяновск: УлГТУ, 2017. – 157 с.
7. **Faucher K. X.** Social Capital Online: Alienation and Accumulation. – London: University of Westminster Press, 2018. – 168 p.
8. **Чистяков А. В.** Социализация личности в виртуальном пространстве. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. гос. пед. ун-та, 2006. – 183 с.
9. **Бурдые П.** Формы капитала // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3, № 5. – С. 60–74.
10. **Ним Е. Г., Скворцова Д. А.** Развитие социального капитала в условиях медиатизации профессиональных сообществ и связей // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2017. – Т. 22, № 3. – С. 509–520.
11. **Игнатъев В. И., Кузин С. А.** «Дополненное» социальное пространство: сети и структуры «Second Life» // Идеи и идеалы. – 2014. – № 4 (22). – С. 100–114.
12. **Кастельс М.** Власть коммуникаций. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 564 с.
13. **Haythornthwaite C.** Strong, weak, and latent ties and the impact of new media // The Information Society. – 2002. – Vol. 18, № 5. – P. 385–401.
14. **Ellison N. B., Steinfield C., Lampe C.** The benefits of facebook «friends» social capital and college students' use of online social network sites // Journal of Computer-Mediated Communication. – 2007. – Vol. 4, № 12. – P. 1143–1168.

REFERENCES

1. Starichenko B. E. Digitalization of education: illusions and expectations. *Pedagogical education in Russia*, 2020, no. 3, pp. 49–58. (In Russian)
2. Malchenkov I. E. Virtual reality of the Internet: a sociological aspect. *Philosophy and social Sciences*, 2014, no. 1, pp. 53–57. (In Russian)

3. Moiseeva A. P., Mazurina O. A., Perepelkin O. A. Virtualization as transformation and social communication. *Proceedings of Tomsk Polytechnic University*, 2010, vol. 316, no. 6, pp. 141–146. (In Russian)
4. Rafaeli S. Exposure in virtual communities: a network approach of social communication to measuring the effects of social and cultural capital. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.145.5045&rep=rep1&type=pdf> (accessed: 06.22.2022).
5. Verger M., Lim Y. S., Park H. V. Mediated relations: new methods of studying social capital online. *Asian Journal of Communication*, 2011, no. 5 (21), pp. 430–449.
6. Leushkin R. V. The structure of virtual social space. Communications, constructs, capital. Ulyanovsk: UISTU, 2017, 157 p. (In Russian)
7. Faucher K. X. Social capital online: alienation and accumulation. London: Westminster University Press, 2018, 168 p.
8. Chistyakov A.V. Socialization of personality in the virtual space. Rostov-on-Don: Publishing House of the Russian State Pedagogical University, 2006, 183 p. (In Russian)
9. Bourdieu P. Forms of capital. *Economic sociology*, 2002, Vol. 3, no. 5, pp. 60–74. (In Russian)
10. Neem E. G., Skvortsova D. A. The development of social capital in the context of the mediatization of professional communities and connections. *Bulletin of the RUDN*, Series: Literary studies. Journalism, 2017, Vol. 22, no. 3, pp. 509–520. (In Russian)
11. Ignatiev V. I., Kuzin S. A. “Augmented” social space: networks and structures of “Second Life”. *Ideas and ideals*, 2014, no. 4 (22), pp. 100–114. (In Russian)
12. Castels M. The power of communications. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2016, 564 p. (In Russian)
13. Haythornthwaite S. Strong, weak and latent connections and the influence of new media. *Information Society*, 2002, Vol. 18, no. 5, pp. 385–401.
14. Ellison N. B., Steinfield S., Lampe S. The advantages of the social capital of facebook “friends” and the use of online social sites by college students networks. *Journal of computer-mediated communication*, 2007, vol. 4, no. 12, pp. 1143–1168.

Информация об авторе

Е. А. Поддячая, старший преподаватель, Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Россия, katepo2d@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2490-9377>

Information about the author

Ekaterina A. Poddyachaya, senior lecturer, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia, katepo2d@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2490-9377>

Статья поступила в редакцию 12.01.2024
Одобрена после рецензирования 20.02.2024
Принята к публикации 26.02.2024

The article was submitted 12.01.2024
Approved after reviewing 20.02.2024
Accepted for publication 26.02.2024

РАЗДЕЛ V. ЮБИЛЕИ
PART V. ANNIVERSARY

Культурно-антропологические исследования. 2024. № 1
Culture and anthropology research journal. 2024. № 1

К 75-летию доктора исторических наук, профессора, Заслуженного работника высшей школы Российской Федерации, Заслуженного профессора НГПУ, кавалера Золотого почетного знака «Достояние Сибири», Лауреата Государственной премии Новосибирской области

ЗВЕРЕВА ВЛАДИМИРА АЛЕКСАНДРОВИЧА

В. А. Зверев родился 21 февраля 1949 г. на прииске Неожиданном Таштыпского района Красноярского края (в паспорте местом рождения названо соседнее с. Верхне-Федоровка, где тогда жила родительская семья). Родители имели крестьянское происхождение, но со временем приобрели статус сельских рабочих.

С 1957 г. семья Зверевых жила в с. Белый Яр Алтайского района Красноярского края (ныне территория Республики Хакасия). В 1966 г. Владимир окончил с золотой медалью Белоярскую среднюю школу. Трудовую деятельность начал в качестве рабочего дорожно-строительного участка, но вскоре по рекомендации районного комитета комсомола занял должность учителя труда и физической культуры в Новомихайловской восьмилетней школе Алтайского района (1966–1967 гг.).

С 1967 г. жизненный путь Владимира Александровича тесно связан с Новосибирским государственным педагогическим институтом (с 1993 г. – университет). Здесь он учился на историко-педагогическом факультете, который

окончил в 1972 г. с отличием, получив квалификацию учителя истории и обществоведения, методиста по воспитательной работе. В студенческие годы (1968, 1969 и 1971) проходил полугодовые практики во Всесоюзном пионерском лагере «Артек» (лагери Лесной и Полевой), а затем периодически, вплоть до 1988 г., по одной летней смене работал там вожатым.

После окончания института по государственному распределению трудился в г. Орске Оренбургской области учителем истории и обществоведения – в средней школе № 9, затем в школе № 11. Годовой перерыв в педагогической работе (1974–1975) был связан со службой в Вооруженных силах СССР, которая прошла в одной из мотострелковых частей Забайкальского военного округа.

В феврале 1976 г. В. А. Зверев вернулся в НГПИ уже на преподавательскую работу. Здесь он трудится непрерывно вплоть до сегодняшнего дня, основное место работы – кафедра отечественной и всеобщей истории (ранее имела название кафедры истории СССР, затем отечественной истории). Прошел путь преподавателя на почасовой оплате, ассистента (с 1976 г.), совместителя (с 1979 г.), старшего преподавателя (с 1982 г.), доцента (с 1984 г.), снова совместителя (с 1989 г.). С октября 1992 г. до настоящего времени Владимир Александрович – профессор кафедры. В 1993–2009 гг. он занимал также должность заместителя заведующего (коллективом руководила тогда проф. Е. И. Соловьева), а в 2009–2010 гг. заведовал названной кафедрой.

Ученое звание доцента по кафедре истории СССР было присвоено В. А. Звереву в 1986 г., ученое звание профессора по кафедре отечественной истории – в 1994 г. На историческом факультете, а позже в Институте истории, гуманитарного и социального образования (ИИГСО) НГПУ им были разработаны и читались образовательные курсы истории России второй половины XIX – начала XX в., истории Сибири, исторического краеведения, введения в историю, специальные курсы по этнологии, исторической демографии, междисциплинарным подходам в гуманитарных исследованиях, этническим и конфессиональным идентичностям и пр. В 2003–2012 гг. в ИИГСО под руководством В. А. Зверева работала научно-исследовательская лаборатория исторического образования и региональной истории. В рамках подготовки студентов по направлению «Педагогическое образование» в 2011–2021 гг. ученый осуществляет научное руководство магистерской программой «Историческое образование (отечественная история)», с 2022 г. – программой «Историческое образование». С 2000 г. под его научным руководством проходят обучение аспиранты и соискатели ученых степеней по историческим и педагогическим специальностям. Успешно защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук восемь его учеников, еще одна выпускница аспирантуры получила степень кандидата педагогических наук. Трое стали докторами исторических наук по специальности «Отечественная история», а затем ведущими профессорами в новосибирских вузах – Н. Н. Родигина, Т. Г. Недзельюк и Е. И. Красильникова. С 2011 г. В. А. Зверев является руководителем утвержденной ученым советом НГПУ научной школы «История Сибири в социальном, ментальном и образовательном измерениях», которая объединяет более

двадцати преподавателей университета. В свое время ученый выступил одним из инициаторов и организаторов ежегодных конференций с одновременным участием преподавателей, аспирантов и студентов, которые способствуют активизации и координации научно-исследовательской работы в ИИГСО НГПУ.

Как работника высшей школы В. А. Зверева характеризуют активная и ответственная профессиональная и общественная позиция, широкий научный кругозор, высокое научное и методическое качество занятий, междисциплинарный подход. Профессионала высокого уровня приглашали работать по совместительству в другие учреждения. В 2012 г. он – председатель Государственной аттестационной комиссии по истории в Новосибирском филиале Московского педагогического государственного университета. В 1998–2000 и 2010–2012 гг. – председатель такой же комиссии в Новосибирском государственном университете (НГУ). В 2001–2004 гг. – профессор кафедры отечественной истории на гуманитарном факультете НГУ, ведет курс истории России конца XIX – начала XX в. Десять лет трудился в Институте истории Сибирского отделения Российской академии наук (ИИ СО РАН) в секторе историко-демографических исследований. С 2009 г. – ведущий научный сотрудник, в 2013–2019 гг. – главный научный сотрудник. В этом академическом институте с 2019 г. по настоящее время юбиляр является членом Ученого совета, с 2023 г. – членом конкурсной комиссии.

Научная карьера юбиляра началась в 1978 г. в альма-матер, в аспирантуре при кафедре истории СССР. Под научным руководством д-ра ист. наук, проф. Е. И. Соловьевой в 1982 г. в диссертационном совете при НГУ была защищена кандидатская диссертация «Русская крестьянская семья в Сибири конца XIX – начала XX в.». В период обучения в докторантуре ИИ СО РАН (с 1989 г.) при научном консультировании чл.-кор. РАН Л. М. Горюшкина написана и в 1992 г. успешно защищена докторская диссертация «Воспроизводство сельского населения Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.)».

Главная сфера научных штудий В. А. Зверева – отечественная история (преимущественно история Сибири), рассматриваемая с междисциплинарных позиций. Конкретные исследования посвящены проблемам социальной истории, исторической демографии, исторической этнологии, исторического краеведения, книговедения. Ученый успешно исследует поздние традиционные формы и начальные проявления модернизации регионального социума (особенно семьи и крестьянского домохозяйства), демографических структур, физического воспроизводства населения, культуры и повседневной жизнедеятельности русских сибиряков второй половины XIX – первой трети XX в. Впервые применив в демографической истории Сибири теорию модернизации традиционного общества, В. А. Зверев датировал начало демографического перехода в нашем регионе рубежом XIX–XX вв. Создал исследовательский конструкт социального образа жизни, применяемый теперь историками при изучении сельского и городского, русского и аборигенного населения Сибири. Учениками Владимира Александровича в пионерном порядке применительно к Сибири конца имперского и начала советского периодов истории России стала разра-

батываться современная тематика истории повседневности, истории памяти, исторической имагологии.

Еще одно направление научной деятельности ученого – теория и методика обучения истории – имеет выраженный практико-ориентированный характер. Начиная с 1990-х гг., группа историков и педагогов с активным участием В. А. Зверева поэтапно разрабатывает концепцию и содержание, практикует научно-методическую поддержку регионального компонента школьного исторического образования в Сибири. Концепция реализована в комплекте учебных и методических пособий «Сибирь: 400 лет в составе России» (1997–2006 гг.), в модуле 5.1 «История Сибири» инновационного учебно-методического комплекса «История» для образовательных учреждений РФ (2015 г.). Авторский коллектив учебного пособия «История Новосибирской области», где Владимир Александрович выступил одним из организаторов и ответственным редактором, удостоен Государственной премии области в 2018 г. «за значительный вклад в развитие исторического образования, патриотическое воспитание учащихся общеобразовательных школ Новосибирской области».

Творчески, ответственно и весьма продуктивно осуществляется юбиларом многогранная научно-организационная деятельность в НГПУ и далеко за его пределами. В 1993–1996 гг. он являлся членом учебно-методического совета по истории Учебно-методического объединения высших педагогических учебных заведений России по общим проблемам педагогического образования. Стал инициатором создания и председателем Сибирско-Дальневосточной секции этого совета. В 1993–2000 гг. был членом кандидатского диссертационного совета по отечественной истории в Омском государственном педагогическом университете (ОмГПУ), в 1995–2000 гг. – членом такого же совета в НГУ. В 2001–2011 гг. – член докторского диссертационного совета по педагогике и психологии в НГПУ, в 2008–2013 гг. – кандидатского диссертационного совета по библиотековедению, библиографоведению и книговедению в Государственной публичной научно-технической библиотеке СО РАН. С 2001 г. по настоящее время – член совета по защита диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по истории при ОмГПУ. Был членом редколлегии, теперь вошел в редакционный совет «Сибирского педагогического журнала» (с 2004 г.), стал членом редколлегии журнала «Гуманитарные науки в Сибири» (с 2010 г.). Эксперт Российского гуманитарного научного фонда / Российского научного фонда с 2010 г., эксперт Российского фонда фундаментальных исследований с 2014 г. В. А. Зверев входил в программные и (или) организационные комитеты множества международных, всероссийских, региональных и вузовских форумов, симпозиумов и конференций, в том числе молодежных и студенческих. Осуществил составление, общее или научное редактирование, редакционное рецензирование большого числа научных, учебных и методических изданий как в НГПУ, так и в других вузах Западной Сибири, а также в академических учреждениях СО РАН, региональных библиотеках и музеях.

В. А. Зверев плодотворно иницирует и поддерживает развитие в нашем регионе краеведческой работы. Он стал главным организатором проведения

в 1995 г. Первой Областной научно-практической конференции краеведов «Страницы истории Новосибирской области», руководил секцией истории на Областном съезде краеведов в 2012 г. Еще в 1990-х гг. ученый выступил с инициативой широкого привлечения студентов и школьников к историко-краеведческим исследованиям, организовал работу первых юниорских секций на «взрослых» конференциях и публикацию трудов начинающих ученых. Много лет являлся научным консультантом Новосибирского городского педагогического лицея. С 1994 г. бессменно возглавляет работу секций истории и краеведения в городском Научном обществе учащихся «Сибирь». В 2005–2021 гг. был также председателем экспертной комиссии по истории на Региональных научно-практических конференциях школьников «Эврика».

Высоко ценятся экспертные усилия Владимира Александровича в области краеведения. С момента организации в 2012 г. в Новосибирске «Библиотеки сибирского краеведения» (проект реализуется Центром информатизации «Эгида» с целью развития у молодежи интереса к изучению истории родного края и формирования современной патриотической парадигмы воспитания) он компетентный член ее экспертного совета.

Общественно-политическую позицию В. А. Зверева во многом определило его вступление в 1976 г. в ряды КПСС. Он избирался членом партийного комитета НГПИ, в 1983–1988 гг. был ответственным редактором институтской многотиражной газеты «Народный учитель», но в 1990 г. вышел из партии по несогласию с противоречивой политикой М. С. Горбачева.

Владимир Александрович еще в студенческую пору (1971 г.) создал свою дружную семью. Его супруга – канд. ист. наук, доц. Капитолина Емельяновна Зверева (Старосадчева) прошла все жизненные испытания вместе с мужем, в 1977–2023 гг. они трудилась на одной кафедре в НГПУ. Дочь Яна, внуки Павел и Татьяна поддерживают общие духовные ценности семьи.

Имя и заслуги В. А. Зверева хорошо известны общественности нашей области и страны. В качестве успешного ученого и педагога он получил многочисленные награды и поощрения от органов государственной и муниципальной власти, руководства родного университета. В 1995 г. был награжден почетным знаком «Отличник народного просвещения». В 2006 г. состоялось вручение государственной награды – почетного звания «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации». В 2012 г. в честь 75-летнего юбилея области В. А. Зверев отмечен памятной медалью «За вклад в развитие Новосибирской области», в 2017 г. – юбилейной медалью «80 лет Новосибирской области». По решениям мэра Владимиру Александровичу вручались памятные знаки «За труд на благо города» в честь 110-й, 115-й, 120-й, 125-й, 130-й годовщин основания Новосибирска. В 2011 г. он был награжден памятным знаком мэрии «за большой личный вклад в воспитание талантливой молодежи города Новосибирска». В 2015 г. в альма-матер получил звание заслуженного профессора НГПУ «за выдающиеся достижения в научно-педагогической деятельности, значительный вклад в развитие университета, подготовку научных кадров и многолетний плодотворный труд». Достижения ученого и педагога отмечены

многочисленными почетными грамотами и благодарственными письмами, полученными от Министерства образования РФ, Законодательного собрания, губернатора и министерств Новосибирской области, мэра и департамента образования Новосибирска, президиума Сибирского отделения РАН, ректората НГПУ и от иных инстанций.

Педагогические и научные заслуги юбиляра, его высокий профессионализм, востребованность, активная жизненная позиция получили и общественное признание. В 2002 г. на Юбилейной образовательной выставке «Учсиб-2002» он получил медаль памяти проф. М. Н. Мельникова «за многолетнюю плодотворную деятельность по изучению и пропаганде культурных традиций Земли Сибирской». В 2009 г. Сибирское межрегиональное отделение Национального фонда «Общественное признание» присвоило ему звание кавалера Золотого почетного знака «Достояние Сибири» в номинации «Наука и образование» за большой личный вклад в развитие исторической науки в Сибири. Профессор В. А. Зверев пользуется заслуженным авторитетом у своих коллег – ученых-сибиреведов, преподавателей вузов, школьных учителей, многочисленных выпускников и студентов НГПУ, которому юбиляр отдал более полувека своей жизни.

Поздравляем с 75-летием! Желаем нашему Учителю и Другу ярких событий, неиссякаемой энергии и творческой неуспокоенности!

О. М. Хлытина, О. Н. Сидорчук

ЖУРНАЛ «КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

Главный редактор – Е. Е. Тихомирова, кандидат культурологии, доцент, заведующий кафедрой теории, истории культуры и музееологии, Новосибирский государственный педагогический университет, Россия.

Год основания журнала – 2009. Учредитель – ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет». Журнал публикует научные статьи, практические и методические разработки по философии культуры, культурологии, культурной

антропологии, истории культуры, культурсоциологии, культуре повседневности, лингвокультурологии. Приглашаем к сотрудничеству российских и зарубежных авторов.

Рубрики журнала:

1. Теоретико-методологические аспекты культурологии и других наук о человеке.
2. Актуальные исследования культурологии и смежных наук.
3. Практические разработки в области истории культуры и смежных наук.
4. Научный дебют (статьи студентов, магистрантов, аспирантов).
5. Дискуссионные вопросы гуманитарных наук.

Журнал индексируется в системе РИНЦ. Материалы для публикаций принимаются в течение года. Сроки размещения статей в номерах журнала зависят от соответствия присланных материалов указанным требованиям.

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ СТАТЕЙ

1. Содержание рукописи статьи должно быть проверено автором на предмет грамматических, стилистических ошибок и отвечать научному стилю изложения материала.

2. Метаданные статьи на русском и английском языках должны содержать сведения об авторе (для каждого автора/соавтора: ФИО полностью, должность, ученое звание, место работы, адрес электронной почты, город); название статьи; аннотация (от 1200 до 1500 знаков), в которой должны быть четко сформулированы цель статьи и основная идея работы; ключевые слова (5–10 слов или словосочетаний).

3. Автор в статье должен: обозначить проблемную ситуацию, методологию исследования; раскрыть основное содержание, соответствующее тематике журнала; сделать выводы.

4. В конце статьи приводится список литературы, на который опирался автор (авторы) при подготовке статьи к публикации (для оригинальной статьи – не менее 5 источников). Указание на источники списка литературы оформляется сплошной нумерацией по всей статье, размещается в квадратных скобках после цитаты на соответствующий источник. Список литературы должен минимум на 70 % состоять из работ, опубликованных за последние 10 лет. Список оформляется строго по ГОСТ Р 7.0.5-2008.

5. Статьи отправлять по адресу: imktikhomirova@mail.ru.

6. Статьи регистрируются редакцией. Датой представления статьи в журнал считается день получения редакцией окончательного текста.

Статьи, не соответствующие тематике журнала, оформленные не по правилам, без аннотации, с некорректно оформленным списком литературы, отклоняются.

CULTURE AND ANTHROPOLOGY RESEARCH JOURNAL

Chief Editor – E. E. Tikhomirova, Candidate of Culturology, Associate Professor, Head of the Department of Theory, History of Culture and Museology, Novosibirsk State Pedagogical University, Russia.

Year of foundation 2009. Founder federal state budget-funded educational institution of higher education "Novosibirsk State Pedagogical University". The journal publishes scientific articles, practical and methodical developments in philosophy of culture, cultural studies, cultural anthropology, history of culture, cultural

sociology, culture of everyday life, linguistic and cultural studies and invites Russian and foreign authors to co-operate.

The rubrics of the journal are:

1. Theoretical and methodological aspects of cultural studies and other human sciences.
2. Topical studies of cultural studies and related sciences.
3. Practical developments in the field of history of culture of related sciences.
4. Scientific debut (articles of students, undergraduates, graduate students, postgraduates)
5. Discussion questions of humanities.

The journal is indexed in the Russian Science Citation Index system. Materials for publications are accepted during the year. The terms of placing articles in the journal issues depend on the compliance of the submitted materials with the specified requirements.

REQUIREMENTS FOR ARTICLE MANUSCRIPTS

1. The content of the article manuscript should be checked by the author for grammatical and stylistic errors and meet the scientific style of presentation.

2. The metadata of the article in Russian and English should contain information about the author (for each author/co-author: full name, position, academic title, place of work, e-mail address, city); the title of the article; abstract (from 1200 to 1500 characters), which should clearly state the purpose of the article and the main idea of the work; keywords (5–10 words or phrases).

3 The author in the article should: identify the problem situation, research methodology; disclose the main content corresponding to the theme of the journal; draw conclusions.

4. At the end of the article is a list of literature on which the author (authors) relied in preparing the article for publication (for an original article – at least 5 sources). The indication of the sources of the reference list is made out by continuous numbering throughout the article, placed in square brackets after the citation of the corresponding source. The list of references should be at least 70 % of the works published in the last 10 years. The list of references should be drawn up strictly according to GOST R 7.0.5-2008.

5. Send articles to: imktikhomirova@mail.ru.

6. Articles are registered by the editorial office. The date of submission of the article to the journal is the day of receipt of the final text by the editorial office.

Articles that do not correspond to the theme of the journal, not designed according to the rules, without annotation, with incorrectly designed list of references, are rejected.